

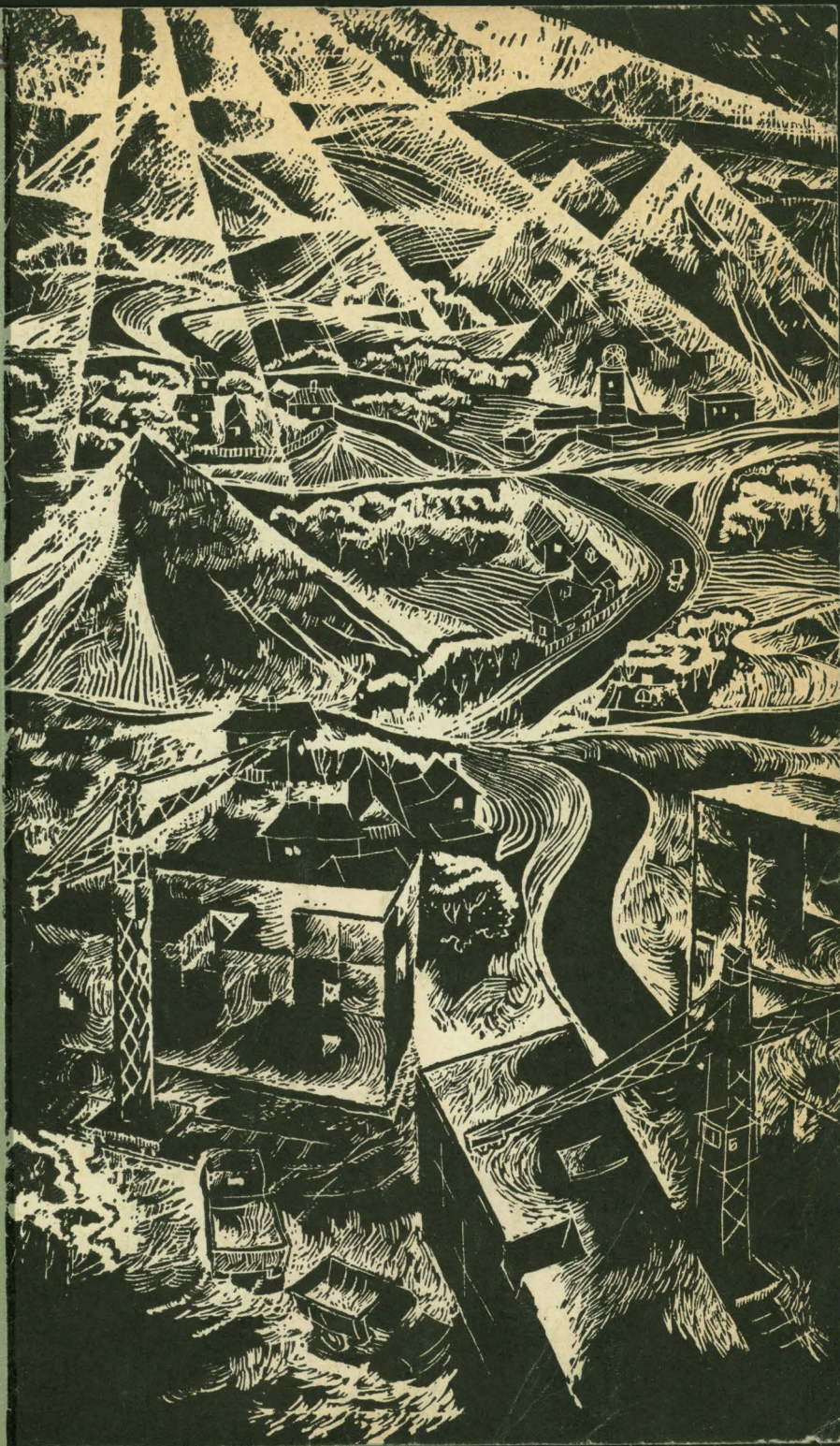
294732

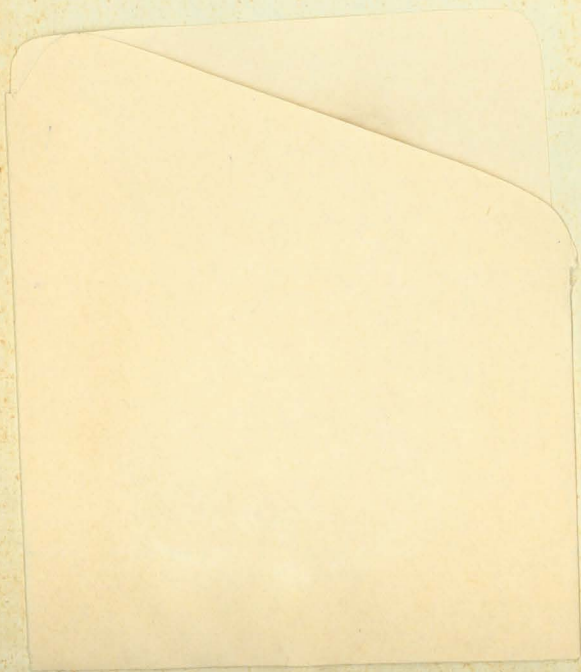
038

001

72.1

ОГНИ
КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

Год издания 24-й

№ 1, 1972

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ,
ОРГАН
КЕМЕРОВСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР

389180

В НОМЕРЕ:

К 50-летию образования СССР

- А. Троицкий. Узы братства . . . 3
А. БЕРЕЖКО. Горная Шория, год
1922-й 7

Стихи, проза

- ВЛАДИМИР ВЛАСОВ. Один за всех.
Рассказ 10
СТЕПАН ТОРБОВ. Чел айы —
февраль. Стихотворение 18
АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ. «Две не-
дели подряд я живу в конюхов-
ке...», «Не надо камней сторонить-
ся...», «Загорели мы с тобой...».
Стихи 19
ГЕННАДИЙ КОЛЕСНИКОВ. «Когда
я напишу свой лучший стих...»,
«За моими плечами...». Стихи 21
ЕКАТЕРИНА ДУБРО. Серая неж-
ность. Мария. Рассказы. 22
ВЛАДИМИР ПОТАШОВ. «Далекая
мальчишеская быль...», «Какое
счастье...», Вечеринка, «Кого ви-
нить...» Стихи 30

Проблема?.. Да, проблема

- Е. ПОПОВ, В. ЧЕРЕПАНОВ. Таш-
тагол: рождается шахта будущего.
Очерк 33

Из дальних странствий...

- ВИКТОР ЧУГУНОВ. В Калинин-
граде московское время. Очерк 46

Вечный огонь памяти

- Р. ЛОБАНОВА. Солдатское поле 54

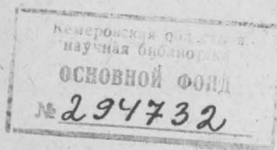
Редактор
В. М. МАЗАЕВ

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:**

А. Ф. Абрамович,
Е. С. Буравлев,
А. Н. Волошин,
Г. А. Емельянов,
Н. Н. Зеленин,
В. В. Махалов,
О. П. Павловский
(отв. секретарь)

Адрес редакции:
Кемерово, 99, Советский
пр., 94. Тел. 6-85-14.

Рукописи объемом до
одного печатного листа не
возвращаются.

7—3—2
30—М72

Слово — критике

А. АБРАМОВИЧ. Мир сокрушает,
мир создает 75

Веселая минутка

И. КОЛМАКОВ. Просьба. Находчи-
вость. Жар-птица. Юморески . . . 83
«Язык мой был тверд и непослу-
шен...» 84

Новая песня

Земля моя родная. Муз. **ГЕОРГИЯ**
ГРИГОРЕНКО. Стихи **ВАЛЕНТИ-**
НА МАХАЛОВА 85

На обложке — рисунок **В. БУРИНА**
«Город шахтеров»

Ведущий редактор **Т. И. Махалова**
Художественный редактор
Г. И. Кравцов
Технический редактор **Г. В. Адова**
Корректор **Т. Е. Трусова**

Сдано в набор 21.XII-1971 г. Подписано
к печати 7. III. 1972. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Усл. печ. л.
6,44 Уч-изд. л. 6,18. Тираж 5000. ОП00450.
Цена 25 коп. Заказ 12018

Кемеровское книжное издательство
Кемерово, Ноградская, 5
Полиграфическое объединение «Томь»
Кемерово, Ноградская, 5.

А. ТРОИЦКИЙ

УЗЫ БРАТСТВА

Сейчас это называется — работать на общественных началах. А я, например, не получая ни копейки зарплаты, был одновременно заведующим комсомольским клубом, политруком детдома (была в те годы такая должность), завликбезом и режиссером драматического кружка сельской художественной самодеятельности. Все это — по поручению волкомачейки и комсомольской ячейки.

Сельский сход.

Я люблю его с самой давней поры и поныне. Люблю за то, что на сельском сходе всегда решаются очень интересные вопросы. За то, что на нем всегда идет обсуждение этих вопросов на основе широчайшей советской демократии. И еще люблю его за то, что любая информация на сходе, сделанная от имени коммунистических, советских органов, немедленно становится достоянием каждой семьи, всего села. А это очень важно.

Мне запомнились многие сельские сходы. Но один из них запечатлелся на всю жизнь.

Это было в селе Пески, на Полтавщине, в начале сентября 1923 года. Село у нас большое, бывший волостной центр. А к этому времени уже прошла реорганизация, вместо волисполкомов учредили райисполкомы, и наше село теперь входило в Манжелеевский район, Кременчутского округа.

Так вот, из райисполкома пришло в Пески срочное распоряжение: «Вашему селу предоставлено одно место для участника Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве. Предлагаем Вам избрать делегата выставки на широком сельском сходе. По избрании выдать ему мандат и направить в райисполком седьмого сентября сего года к девяти часам утра для дальнейшего следования делегатов через Кременчуг».

На сход явилось около восьмисот человек. Были такие дворы, из которых пришли не только главы семьи, но и все взрослые. День как раз был воскресный, нерабочий, теплынь, красота!

Сперва обсудили вопрос о снабжении сельской школы топливом на зиму. А затем председатель сельсовета Федор Акимович Толстопят зачитал бумагу об избрании делегата на выставку в Москву.

— Так вот, товарищи, выносим мы этот вопрос на ваше обсуждение, — сказал Федор Акимович, — кого пожелаете, того и пошлем.

Воцарилась полная тишина.

И вдруг из самой гущи людской раздался голос:

— Прощу слова!

К столу президиума протиснулся высокий, крепко сложенный старик, с бороδοю клинышком, всем известный в селе активист-комсомолец, бывший политический ссыльный, Антон Дмитриевич Кальницкий.

— Я предлагаю, товарищи, избрать делегатом на выставку в Москву от нашего села селькора, комсомольского вожака Андрея Троицкого. Человек он нам известный, Советской власти преданный. А уж рассказать о выставке, о ее значении, о задачах — об этом он и расскажет, и в газете напишет. Мне очень хочется, чтобы вы, дорогие товарищи и граждане, поддержали мое предложение.

Это было так неожиданно для меня, так радостно и тревожно, что я не помню даже подробностей дальнейшего хода событий. Видел лишь лес поднятых рук, а затем, как сквозь сон, слышал поздравления и от пожилых и от молодых участников схода, выражавших свои искренние чувства, признательность, доброту.

В Кременчуге нас собралось уже много — представителей сел со всего округа. Заранее были подготовлены вагоны для отправки делегатов. Страна только что стала подниматься на ноги после разрухи и бедствий, причиненных империалистической и гражданской войнами. Поэтому не удивительно, что нам подали для отправки обыкновенные товарные вагоны, с дощатыми нарами, оборудованные точно так же, как и те, в которых в свое время перевозили солдат.

Мы наспех украсили двери вагонов и наружные стены ветками и букетами осенних цветов. Начертали мелом идущие от всего сердца слова: «Да здравствует Советская власть!», «Слава родному Ленину!», «Да здравствует смьчка рабочего класса с крестьянством!», «Мы едем на выставку в Москву!».

В Полтаве к нашим вагонам присоединили еще более десятка таких же, делегатских. А уже в Харькове сформировали целый эшелон с делегатами от советской Украины. (В то время столицей советской Украины был Харьков).

К составу подошел разукрашенный алыми лентами паровоз. Спереди, на площадке, обрамленный живыми осенними цветами и вышитым украинским рушником красовался большой портрет Владимира Ильича Ленина.

На каждой станции наш поезд встречали и провожали толпы людей. Они расспрашивали нас о целях поездки, радостно пожимали нам руки, просили передать земной поклон столице нашей Родины — Москве и пожелания скорейшего выздоровления дорогому вождю трудящихся всего мира Владимиру Ильичу Ленину.

Для нынешнего поколения может показаться странным, но мы в пути следования встретились и с таким обстоятельством — на паровозе не хватило дров. Это было где-то на Брянщине. Поезд остановился. Узнав от машиниста о причине вынужденной остановки, мы быстро вооружились топорами и пилами, натаскали дров полный тендер и... поехали дальше.

В Москве нас встретили очень тепло и радушно. Гостиничное хозяйство столицы в то время было весьма ограниченным и, естественно, не могло принять тысячи делегатов, прибывающих на выставку со всех концов необъятной советской страны. Поэтому каждый такой эшелон встречали представители столичных предприятий и, по заранее разработанному плану, приглашали делегатов к себе, для размещения их в соответствующих заводских общежитиях и просто в приспособленных помещениях.

Нас, кременчутских, взяли к себе рабочие третьей московской городской электростанции.

На все десять дней пребывания в Москве нам выдали делегатские удостоверения с особыми штампами, дающими их владельцам право бесплатного проезда в трамваях по всей трассе столицы. Автобусов, троллейбусов и такси тогда еще не было. А о метро даже думать не приходилось.

И вот мы на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве.

В главном павильоне, помню, бросались в глаза крупно начертанные на алом полотнище слова: «Переложим тяжелый труд земледельца на железные плечи машины».

Тут же, ниже, на стенде ярко вырисовывалось:

«ЕСЛИ БЫ МЫ МОГЛИ ДАТЬ ЗАВТРА 100 ТЫСЯЧ ПЕРВОКЛАССНЫХ ТРАКТОРОВ, СНАБДИТЬ ИХ БЕНЗИНОМ, СНАБДИТЬ ИХ МАШИНИСТАМИ (ВЫ ПРЕКРАСНО ЗНАЕТЕ, ЧТО ПОКА ЭТО — ФАНТАЗИЯ), ТО СРЕДНИЙ КРЕСТЬЯНИН СКАЗАЛ БЫ: «Я ЗА КОММУНИЮ» (Т. Е. ЗА КОММУНИЗМ)».

(В. И. Ленин)

Долго простаивали делегаты выставки возле этого стенда, вчитываясь, вдумываясь в пророческие слова вождя. Как же хотелось посланцам народа, труженикам земли, чтобы как можно скорее сбылись эти слова! А в то, что они сбудутся — верили все, до единого.

Мы ходили из павильона в павильон. Знакомились с экспонатами первых сельскохозяйственных коммун. Изучали, запоминали образцы лучших достижений передовиков — культурных хозяев, доставивших свои экспонаты из разных республик и районов страны Советов. Приобщались к самодеятельному искусству многонационального народа.

Прошел лишь один год со дня создания Союза Советских Социалистических Республик. А взлелеянная партией ленинская дружба народов СССР уже нашла свое самое яркое воплощение. Помню, с каким торжеством и радушием принимали в своих павильонах: рус-

ские — украинцев, грузины — белорусов, украинцы — казахов, кабардино-балкары — бурятов, армяне — чувашей.

На выставке во всем своем величии расцветало подлинное интернациональное братство народов страны Советов. Посланцы народа каждой союзной республики всем сердцем выражали стремление поделить опытом своих первых успехов в строительстве социализма. Демонстрируя свои экспонаты, каждая республика вносила вклад в чашу достатка всех советских людей.

Выставка превратилась в могучую силу пропаганды великого советского государства наций, их расцвета и сближения.

В один из дней нам посчастливилось участвовать в грандиозном митинге, который проходил на главной площади выставки. На этом митинге выступали представители коммунистических партий: от итальянской — товарищ Тольятти, от французской — Морис Торез и от германской — Эрнст Тельман. Мне повезло. Я случайно очутился рядом с импровизированной трибуной, с которой выступали ораторы.

О больших революционных заслугах вождя немецкого рабочего класса Эрнста Тельмана тогда уже знали многие. Его пламенная речь, простота, человеческое обаяние настолько всколыхнули сердца присутствующих, что ему не дали возможности сойти с трибуны, подхватили на руки и под нескончаемые восторженные крики «ура!» понесли в толпу.

Десять дней пребывания в Москве запечатлелись у меня на всю жизнь. Я никогда не забуду душевных дружеских бесед с нашими гостеприимными хозяевами — кадровыми рабочими Третьей московской электростанции. Как только вечером мы возвращались в общежитие, так сразу же нас окружали рабочие и их жены. Завязывалась непринужденная, теплая, дружеская беседа. Вопросов была уйма.

— Как поднимается сельское хозяйство после гражданской войны?

— НЭП, новая экономическая политика, не слишком ли дает простор кулацким хозяйствам?

— А как женщины-украинки приобщаются к общественной жизни? Какова роль женских делегатских собраний?

— Успешно ли идет ликвидация неграмотности?

— Ну, а ситец уже появился в продаже?

— Как работает кооперация в деревне?

— Крепки ли комитеты бедноты?

— А как там работает комсомол?

Не было такого вечера, чтобы нас не пригласили рабочие к себе домой отужинать, побеседовать за чашкой чая.

Воспоминаниям о прошлом, рассказам не было конца. Рабочие говорили о том, как трудились у станка в годы гражданской войны — полуголодные, на «осьмушке» хлеба в день. Как рады были восточкам о том, что прибыл очередной эшелон хлеба с Украины, сопровождаемый продармейцами.

Говорили о крепких узах братства рабочих Москвы и Петрограда, Иваново-Вознесенска и Кронштадта с рабочими и крестьянами Советской Украины в борьбе за освобождение страны от внутренней и внешней контрреволюции.

Возвращались мы домой, как говорится, с большим багажом. Было о чем рассказать пославшим нас селянам: и о Москве, и о выставке, и о жизни народов нашей страны, с лучшими представителями которых мы встретились там. Одним словом — о многом.

А. БЕРЕЖКО

Горная Шория, год 1922-й

В первые годы Советской власти на земле Кузнецкой были организованы Кузнецкий уезд и четыре волости: Верхне-Томская, Кондомская, Кузедеевская и Мрасская. На территории последней становление Советской власти встретило упорное сопротивление местных богачей. В селе Чилису-Анзас жил богатый купец Тудыгешев Гордей Герасимович. На этого энергичного, грамотного бая оказывали влияние эсеры и анархисты из Роговской банды. Молодой Гордей мечтал стать властителем земли Кузнецкой. Из сынков баев и купцов он организовал банду из ста с лишним человек и начал уничтожать местные Советы и другие учреждения Советской власти.

21 апреля 1922 года в дом Мрасского волисполкома ворвалась группа гордеевцев. Они уничтожили документы, забрали деньги и другие ценности. Председателя волисполкома Григорьева потащили на речку. Григорьев напрог последние силы, вырвался из рук бандитов, босиком перебежал покрытую льдом Мрассу и за хутором Таска спрятался в стог сена. Разгромив волисполком, бандиты стали искать председателя. Апрельский снег хорошо сохранил отпечатки босых ног. Двадцать бандитов схватили Григорьева, бросили в полынью и открыли стрельбу по живой мишени...

Другая группа гордеевцев ходила по деревне Усть-Кабырза, выискивала советских активистов. В одном из домов отдыхал только что вернувшийся из командировки уполномоченный ОГПУ, член Мрасского волисполкома Апанаев. Бандиты взяли его спящим и так же, как с Григорьевым, зверски расправились с ним.

После ухода банды Гордея жители Усть-Кабырзы отыскивали тела и похоронили верных большевиков на окраине хутора Таска. Спустя несколько лет кабырзинцы перенесли их останки в центр поселка Усть-Кабырза, где и установили памятник. На мемориальной доске написано: «Апанаев Федор Михайлович — уполномоченный ОГПУ. Григорьев Константин Васильевич — председатель волисполкома. Погибли 21/IV-1922 года от белогвардейской банды Гордея за власть Советов в Горной Шории».

В начале мая гордеевцы съехались в селе Березовая Речка и устроили пир. В разгар пьянки группа бандитов зашла в дом Сазыгашева Андрея Александровича, связала его и начала угонять скот, увозить хлеб, одежду... Сазыгашева развязали сыновья, и он убежал в тайгу. На одном из хуторов Сазыгашев рассказал, что поселок Березовая Речка грабит банда Гордея.

Получив тревожное сообщение, хуторяне-охотники решили проехать по ближайшим селениям, собрать народ на борьбу с гордеевцами. Сазыгашеву дали коня и посоветовали ехать в Торчак: там находился отряд красных.

Приехав в Торчак, Сазыгашев разыскал командира отряда, сообщил ему о происшедшем. Одновременно сказал, что собираются все бедняки округи, чтобы дать бой грабителям. Их можно застать врасплох, так как ночью они спят, не выставляя охраны.

— Правильно, действуйте, удобный момент нельзя упускать. Мы к вечеру подъедем в ваше село. Собирайтесь в пихтаче, против вашей усадьбы, — сказал командир.

С наступлением темноты в назначенном месте собрались вооруженные ружьями местные жители и небольшой, в десять человек, отряд красноармейцев. Гордеевцы гуляли в доме местного богача. Было решено окружить дом, главарей взять в плен живыми. К полуночи в деревне стало тихо, только кое-где слышался лай собак.

— Пора, — сказал командир. — Я с отрядом ворвусь в дом и постараюсь захватить в плен главарей банды, а вы, — обратился он к шорцам, — постарайтесь не дать возможности бандитам уйти в тайгу.

Гордеевцы оказали упорное сопротивление. Более двух часов длился ожесточенный бой. Тридцать бандитов были убиты. Незначительные потери понесли красноармейцы и шорские охотники. Банду Гордея разбить не удалось, более половины успели скрыться в тайге.

Гордей продолжал свои злодеяния: грабил население поселков и хуторов, убивал активистов Советской власти.

Наступила весна, вскрылась ото льда Мрассу. Банда Гордея решила сменить местонахождение. Они сбили плоты, спустились в устье Ортона и расквартировались в селе Парушка.

В семи километрах от Парушки находилась коммуна «Буревестник». Третий год коммунары корчевали тайгу, распахивали новые земельные участки, сеяли хлеб, разводили скот и пчел. Председатель Беляев Алексей Ильич мечтал создать богатую коммуны. В этот трагический день 22 мая 1922 года жизнь коммуны шла своим чередом: чуть-чуть забрезжило весеннее утро, коммунары выехали в поле. Они

пахали и боронили, не подозревая о надвигающейся опасности. Вдруг из поселка до них донесся страшный шум: ржали лошади, неистово кричали женщины. Коммунары поняли, что на «Буревестник» напала банда, но у них не было никакого оружия. Вскоре бандиты появились на поле, захватили всех работающих коммунаров, повезли на усадьбу коммуны. Бандиты угоняли скот, увозили хлеб, отбирали одежду, обувь и даже постельные принадлежности. Дети в испуге кричали, женщины плакали, просили пощады у гордеевцев. Но тщетно. Разгромив поселок, бандиты связали всех коммунаров, не исключая детей и женщин, и закрыли их в сарае. Сарай усиленно охранялся. Утром на усадьбе появился Гордей. Он приказал привести к скалистому берегу Мрассу председателя коммуны. Беляев категорически отказался отвечать на вопросы. Тогда Гордей в ярости саблей отрубил ему голову и столкнул тело в воду.

Затем начались пытки рядовых коммунаров: Калягина Василия Михайловича, Попугаева Николая Михайловича и других. Одних расстреливали на берегу, других привязывали к плотам и пускали по реке, где на перекатах плоты переворачивались и коммунары тонули.

Уезжая, бандиты захватили с собой семнадцатилетнюю дочь председателя коммуны Калю Беляеву. Трое суток издевались они над юной девушкой-коммунаркой. На четвертые сутки Кале удалось бежать. Она добралась до Кузнецка, где и рассказала чекистам о трагедии коммуны «Буревестник».

На борьбу с бандитами был послан отряд красноармейцев во главе с начальником ОГПУ Рунги и его помощниками Ивановым и Дальниченко. Три месяца отряд преследовал банду Гордея. Большинство бандитов было взято в плен и предано суду военного трибунала. Но главари банды скрылись. Гордей Тудыгешев, Семен Тудыгешев, Сергей Теньшев хотели пробраться в Монголию, но, доехав до города Абакан, увидели, что там активно действуют красноармейские отряды. Тогда они изменили свой путь. Повернули на юг, предполагая через Горный Алтай добраться до Китая. Но кольцо смыкалось: положение было безвыходным.

В верховье реки Абакан, где речка Кульзу впадает в Абакан, они сделали привал. Завязался ожесточенный спор. Гордей доказывал, что надо любыми путями добраться до Китая или Монголии. Но его помощники видели другой, более реальный путь спасения. Ночью двумя внезапными выстрелами Сергей Теньшев и Семен Тудыгешев убили своего атамана, а сами сдались на милость советским властям.

В разгроме гордеевской банды активное участие принимали местные жители-охотники: Кушаков Анисим Александрович, Торчаков Николай Васильевич, Сандыков Илья Капитонович, Судычаков Лука Васильевич, Судычаков Семен Васильевич и многие другие. Их имена вечно останутся в памяти народа, как пример мужества и отваги в борьбе за становление Советской власти в Горной Шории...

РАССКАЗ

ОДИН ЗА ВСЕХ

— Рапорт! — приказал блокфюрер, не доходя пяти метров до проволоки, загораживающей вход в барак.

Староста заученным движением сорвал с головы плоскую, как блин, полосатую шапку, отчеканил:

— В блоке номер триста семь числится триста девяносто восемь заключенных. Больных нет. Один мертв. Повесился ночью.

Закрываясь от дождя полой плаща, блокфюрер потянул из кармана тетрадь, спросил:

— Номер?

— 123905. Политический, француз.

— Команда?

— Музыкальная. Скрипку сдадим после.

Уборщики блока вынесли самоубийцу, положили в грязь возле проволоки.

К бараку грузно подкатил вместительный автоприцеп, который тащили запряженные веером заключенные. От мокрой одежды шел пар, резко пахло карболкой.

Четверо в резиновых фартуках и перчатках, не обращая внимания на табличку «Запрещено. Карантин», вытащили труп из-под проволоки, раскатали на руках и с силой бросили в высокий кузов. Голое тело, нелепо махнув руками, перевернулось в полете и тяжело упало вниз лицом на дно кузова. Брызнула жидкая грязь.

— Тройное сальто, — хохотнул блокфюрер.

Придирчиво осмотрев временные заграждения, отделяющие блок от всего лагеря, он остался доволен: «Мышь не проскочит». Покосился на окна — никого не видно. С иронией вспомнил слова коменданта: «Какая там к черту организация! Перегрызутся, как крысы в закрытой бочке. Один повесился, другим дела нет».

Он стряхнул мокрый блестящий плащ, неторопливо зашагал через плац к лагерным воротам.

Продрогший староста стоял без шапки навытяжку, не мигая глядел ему вслед.

— Ушел, негодяй, — молодой арестант с продолговатым лицом отшатнулся от оконного косяка. Костлявыми руками уцепился за торец верхних нар, с трудом подтянулся, лег на живот.

Очнулся дремавший сосед:

— Ну, что там?

— Еще один не выдержал: залез в петлю. Уже увезли.

Сосед — чех с красным треугольником на груди — подвинулся ближе, перешел на шепот:

— Не всему верь, юноша. Могли и повесить.

— Кто? — Дрогнул всем телом заключенный.

Чех зашевелил губами почти беззвучно:

— Ты в лагере недавно. Здесь жесткий порядок: первый заболевший тифом идет в лазарет, второй — в лазарет, а с третьим весь блок — четыреста человек — идет в крематорий. Фашисты боятся эпидемий: рядом Берлин. В карантине болеть нельзя. Старые заключенные — уголовники — зорко следят за всеми. Они не будут разбираться, что у тебя: ангина, грипп или тиф. Особенно сейчас, когда тифом заболели уже два человека. Они считают, что лучше выдать один труп «самоубийцы» с веревкой на шее, чем пустить в трубу четыре сотни заключенных.

Юноша опустил голову на руки, заговорил невнятно:

— Мерзавцы. Какие мерзавцы!

Чех дружески похлопал новичка по плечу, сторожко оглядываясь, заметил:

— Распускаться нельзя. Нервничать нельзя. Это — лагерь. Старайся не выделяться. Здесь основное: уметь раствориться в массе. Ты и так приметный.

Он легонько коснулся пальцами бледной щеки, на которой алел неровными краями свежий шрам.

— Такая примета опасна. Будь осторожен, русский камрад. Не лезь на глаза блоковому начальству. У власти уголовники, хотя в последнее время кое-где политические берут верх. Запомни: один ты ничего не сделаешь.

Словно от толчка в грудь, русский поднялся на локтях. Бешено блеснули синие глаза, гневом сломились брови:

— Сидеть и ждать, пока задушат?

— Сидеть надо еще восемь дней, а ждать надо долго. Учись ждать, — спокойно сказал чех.

Глаза его подернулись пеплом. Взгляд стал печально-задумчивым. Он помолчал немного и подчеркнуто твердо продолжил:

— Жить на этой живодерне и оставаться человеком трудно. Но возможно. Для начала учи лагерный жаргон. Это смесь всех языков. Без него не обойтись. Здесь немногие знают русский язык, как я.

Это был седьмой день карантина.

Карантин выбил из привычной колеи обитателей тридцать седьмого блока с самого начала. Резкий переход от изнуряющей работы к полному безделью все заключенные переносили одинаково болезненно. Первые дни после утренней проверки почти все спали. Была пора осенних дождей, и многие радовались, что не надо мокнуть с утра до вечера на холодном ветру. Что-то ненормальное, нездоровое было в этом повальном сне. Спящие невнятно кричали в бреду, вскакивали, оглядываясь невидящими глазами, и снова падали на нары.

По долгу службы бодрствовали староста и уборщики блока. Не спал и лагерный переводчик — политический заключенный, немец, свободно владевший шестнадцатью языками. Лысая, круглая, как арбуз, голова переводчика крепко сидит на кургузом болезненно-полном теле с отечными ногами. За выпуклыми стеклами очков прячутся доверчивые карие глаза. Они смотрят на людей кротно и удивленно, с наивной верой ребенка, ждущего от взрослого только хорошего. Самый рассеянный человек в лагере, он пользуется особой привилегией и никогда не снимает шапку перед эсэсовцами, потому что забывает это делать. От подъема до отбоя переводчик ходит по барaku из угла в угол, как неприкаянный грешник, бормоча под нос что-то непонятное. Изредка для практики вступает в разговор с испанцами или французами, еще реже с итальянцами или греками. С немцами, голландцами, бельгийцами, люксембуржцами и венграми он почти не разговаривает — бережет свое время. Охотно и долго говорит с русскими. Восхищенный богатством языка, порой забывает о собеседнике, обрывает разговор в самый неподходящий момент и подолгу повторяет полюбоившееся слово.

На третий день карантина в лазарет отправили второго заболевшего тифом. Жители блока будто очнулись: редко кто укладывался спать до отбоя, и если ложился, то спал вполглаза, боясь, чтобы не признали больным. Уголовники резались в карты, баптисты, собравшись в кружок, шептались о божественном, остальные развлекались как могли. Барак наполнился стуком деревянных подошв и разноязычным говором. Целый день в углу на нижних нарах Митька-сказочник мучил слушателей своими рассказами. Смысл их сводился к жратве: «И вот подают царю жареного целиком кабана. Кaban насквозь пропитался салом, румяная корочка хрустит, жир течет. Берет царь в правую руку свиную ногу, а в левую белую буханку хлеба...».

Слушатели ловят каждое слово, сглатывают слюну, жадно блестят голодные глаза. А Митька продолжает вдохновенно врать. Он широко жестикулирует, клацает зубами, показывая, как царь пожирает жареную свинью. Огромный редкозубый рот Митьки не закрывается ни на минуту. Щуплая фигурка, напоминающая ошипанного в драке молодого петушка, трясется от возбуждения. Жареного кабана сменяет не менее аппетитный гусь.

На самом интересном месте рассказ прерывает хлесткий удар. Митька взывает от боли, слушатели — от возмущения, но громче всех орет жилец средних нар:

— Заткнись, чертова зануда! Ты меня с ума сведешь этими поросятами, гусями и жареными баранами. Братцы, забейте ему портянку в рот, а то я его живым съем, паразита!

Митька и слушатели спешно перебираются в другой угол. Они увлекаются рассказами о еде, как наркоманы морфием.

Так текут дни. Томимые голодом и бездельем узники, как тени, слоняются по бараку.

Ползут тревожные слухи, один страшнее другого. Все раздражены. Нервы взвинчены до предела. Гнетущая атмосфера неизвестности, ожидания близкой беды накаляется с каждым часом.

На короткий миг она разряжается в ссорах и драках по пустякам. Вот в узком проходе между нар сцепились из-за окурка двое. Две до черноты высохших мумии громко выкрикивают страшные ругательства. Они готовы перегрызть друг другу глотки. Оба примеряются к последнему броску, шатаясь от слабости на тонких ногах. Сшиблись, как пехоты, и сразу падают на пол. Оба плачут: драться нет сил.

На верхние нары, надсадно дыша, вскарабкался похожий на заморенную обезьяну черноволосый смуглолицый арестант. Мешая русские и польские слова, представился:

— Я естѣм круль польских цыганов.— Не дождавшись ответа, продолжает: — За едну цигарку всю правду расскажу.

Чтобы отвязаться, русский со шрамом протянул руку. Деловито посапывая, цыганский король долго разглядывал сложный рисунок кожи. Изрек глубокомысленно:

— Матка твоя плачет.

— Наверно, плачет,— безразлично согласился русский.

Предсказатель оживился:

— И батка твой плачет.

— Не может он плакать. Его в сорок первом убили.

— А он на том свете плачет,— не растерялся цыган.

— Ты пан красивый, ты счастливый. Все паненки твои будут. Они ясноглазых любят. За два тыгодня ты бындешь звольненный и вшистка задоволенный.

— Иди ты со своим гаданием, куда подальше, чертов брехун,— не вытерпел чех.

— Цо вы мовите, пани чеху? Цо вы мовите? Ойтец небесный накажет вас: вы не умрете на своей постели.

— Пошел вон, образина,— взорвался чех, сталкивая короля на пол. Кривясь от боли, цыган поднимается и кричит сквозь слезы:

— Цо хцешь ты, человек дрогий! За едну цигарку царство небесное на земле сделать даже я не могу.

В эту ночь новичка назначили на вахту. Он сидел перед столом, сонно поглядывая на стрелки будильника. Через каждые пять минут на воротах лагеря ярко вспыхивал мощный прожектор. Слепящий луч обшаривал слева направо всю территорию, заглядывая в окна, высвечивая каждый закоулок.

За занавеской на отдельном топчане грузно ворочался староста блока.

До смены оставалось немного, и дежурный утомленно прикрыл глаза. Отрывистый глухой удар об пол подбросил его со скамьи.

В блоке ничего не изменилось. Похрапывал староста, поскрипывал топчан. По блоку слева направо передвигался свет прожектора. Дежурный машинально сопровождал его взглядом. Около занавески матово блеснул футляр скрипки. «Упала»,— догадался он и, не раздумывая, спрятал ее под стол.

Восьмой день карантина—воскресенье—родился в тумане. Но вскоре сырое тяжелое месиво дрогнуло, прогретое солнцем, медленно поползло вверх. Последние седые космы еще клубились над мокрой

землей, а солнце уже искрилось в каждой капле воды. Повсюду вспыхивали и тут же гасли игрушечно-маленькие радуги.

Переводчик распахнул окно. Острый запах хлорной извести и лизола вырвался из душного барака, потянул по плацу.

Блаженно жмурясь, переводчик устроился перед окном, подставил солнечным лучам руки, сказал по-русски:

— Воскресенье. Воскрес. Воскрес-возродился.

Он улыбнулся и продолжал раздельно по слогам, будто прислушиваясь к каждому звуку:

— Воск-рес.

И по-немецки:

— Зонтаг. Зон таг. Таг — день. Солнечный день!

Восхищенно покачал головой, повторил с наслаждением, отчетливо выговаривая каждую букву:

— Солнечный день! Солнце! Какое звенящее, ласковое слово! Люди, у нас есть солнце!

Переводчик неожиданно замолчал, пристально глядя в окно, забыв закрыть рот.

Возле стены блока, среди репьев, прохаживался щегол. Он деловито разглядел перышки, устроился поудобнее, блеснул бусинками глаз и запел хрустальным, ломким голосом. Милая бесхитростная песня полилась, как серебряный ручеек, в окно барака. Затихли на ближних нарах заключенные. Кто-то сказал:

— Тише, товарищи.

Крошечный певец сверкнул красной головкой и исчез.

Плотная, морозящая дождем пелена тумана навалилась на лагерь.

Закрывая окно, переводчик растроганно бормотал, как всегда, сам для себя:

— Какая сила! Какая чудесная сила! Чудо. Чу-до.

Блок зашумел привычно, монотонно. Серый, как арестантская одежда, день начался.

И вдруг в бараке у окна громко, с переливами снова засвистал, запел щегол. Его нежный свист пробился сквозь приглушенный гул множества голосов, заиграл, задорно, дробясь на множество звуков, по всему барaku.

Шум постепенно стихал, люди недоверчиво поворачивались к окну. С верхних нар свесились стриженные — в полутьме все на одно лицо — головы.

Только хрипящие от злости голоса доходяг мешали певцу.

Ловко брошенный деревянный башмак крепко стукнул одного из спорщиков по затылку. Оба враз замолкли.

А щегол пел. Пел, как не пела ни одна птица на свете: звонко, весело, явно сбиваясь на плясовой мотив.

Угрюмые лица заключенных, давно забывших, что такое улыбка, просветлели, оживляясь против воли, постепенно стиралось настороженно-злое выражение глаз. Еще минута, две, и оно исчезнет совсем. Но певец смолк.

Мгновение в блоке царила небывалая тишина. И словно взрыв —

аплодисменты. Тесня друг друга, заключенные со всех сторон хлынули к окну. Наиболее сметливые и ловкие прыгали по верхним нарам через лежащих людей, не оглядываясь, не отвечая на ругань.

У окна, окруженный плотной толпой, стоял молодой заключенный. Продолговатое, донельзя изможденное лицо его отрешенно-спокойно, глаза закрыты. Чуть заметно вздрагивали тонкие ноздри. Кожу щеки прочеркивал рубец шрама. Двумя руками он бережно прижимал к груди скрипку и церемонно, как на сцене, кланялся слушателям.

Со стороны входа в толпе возникло движение.

Послышался глухой бас старосты блока. Аплодисменты угасли. Теснясь, узники торопливо освобождали проход. Ступая по-медвежьи, староста блока, — немец, бандит, осужденный на пожизненную каторгу, — подошел к музыканту, волосатой рукой взялся за гриф.

В горле музыканта что-то жалобно пискнуло, будто оборвалась последняя струна. Он всхлипнул и разжал пальцы. Синие блестящие глаза встретились с жесткими умными глазами старосты.

Старый каторжник мрачно смотрел на нарушителя порядка, а его рука гладила и ласкала скрипку. Все затаили дыхание. Еще миг и...

Староста искося глянул на напряженно замершую стену заключенных. Собранное волевое лицо окаменело. Он перевел взгляд на номер музыканта. Густые, черные с проседью брови удивленно полезли вверх, морщина темную кожу на лбу. Дрогнул литой тяжелый подбородок:

— Русский? Новичок! — Свободной рукой повернул скрипача к двери: — Иди вперед.

— Убьет, гад, — тревожно выдохнул кто-то.

Староста усадил музыканта за обеденный стол, положил рядом скрипку и скрылся за занавеской, отделяющей его каморку от общего помещения.

Он быстро вернулся, неся в обеих руках хлеб, масло, банку сардин и пачку печенья.

Аккуратно разложил все на столе, вскрыл консервы, нарезал хлеб и грузно сел на скамейку, грубо обтесанная фигура обмякла. Отвернувшись в сторону, чтобы не смущать голодного человека, прогудел:

— Ешь.

Блок облегченно вздохнул.

— Значит, и он человек. Этого ни в одной сказке нет! — радостно объявил Митька, сверкнув голубыми глазами.

Напрасно старался музыкант прилично вести себя за столом, напрасно удерживал дрожь в руках, — дрожали тонкие длинные пальцы, нервно дрожала стриженная голова, судорожно двигался на худой цыплячьей шее несуразно большой кадык, когда он торопливо глотал непрожеванные куски.

Постепенно бледно-серое лицо его порозовело, на лбу мелким бисером высыпал пот.

— Спасибо.

Он устало откинулся к стене, отодвигая нетронутое печенье.

Староста насмешливо шевельнул совиными бровями, кивком подзывал уборщика блока:

— Кофе быстро. Подай в моем стакане.— И повернувшись всем телом к скрипачу:— Не надо притворяться. Я ведь одиннадцать лет за решеткой.

Пока скрипач пил кофе, он молча сидел за столом, тоскливо глядя в окно.

Там за мутным от влаги стеклом прихотливо ломались линии проволочных заграждений. За ними расплывалась в сетке дождя громада лагерной стены.

Ни к кому не обращаясь, староста привычно командно рыкнул:

— Никаких аплодисментов. Я ничего не знаю. Отдыхаю до вечерней проверки.

Заключенные снова собрались вокруг музыканта. Только у каждого окна, выполняя неизвестно чей приказ, осталось по одному человеку. Это был восьмой день карантина.

Девятый и десятый промелькнули незаметно, потонув в музыке: скрипач играл почти без перерыва, повторяя по нескольку раз одни и те же песни по просьбе благодарных слушателей. Играл он вдохновенно, отдавая скрипке последние силы. За эти дни он исхудал еще больше. Его усиленно подкармливали, делясь последним куском, но он слабел с каждым часом. Он чувствовал острое недомогание, вялость, какую-то разбитость во всем теле. Порой мучили острые головные боли, бессонница. Обеспокоенный сосед — чех, прислушиваясь ночью к бреду скрипача, отодвигался как можно дальше: музыкант горел, как в огне. Сегодня в умывальнике чех ясно видел на животе и груди больного мелкие розовые пятнышки круглой формы. «Брюшной тиф», — убеждаясь в своей догадке, подумал чех. Начинался одиннадцатый день карантина.

Над лагерем опять ползли рыхлые тучи. Сновали по плацу промокшие до нитки арестанты, а в карантинном блоке играла скрипка. Но этот раз недолго. Скрипач не вышел к обеду: его мучило от одного вида баланды. Он лежал на нарах почти весь день. С трудом разлепил спекшиеся губы, позвал чеха:

— Что у меня? Тиф?

Чех торопливо закрыл ему рот ладонью, замотал головой, пряча глаза.

Перед вечером случайно осталась открытой входная дверь. Холодный сырой воздух остудил горящую голову скрипача. Он почувствовал облегчение, встал, выпил воды и заиграл.

Это была импровизация. Казалось, что с барака сняли крышу, раздвинули стены и в голубом бездонном небе засияло солнце. Купаясь в его лучах, трепеща крыльями в потоке теплого воздуха, пел жаворонок. Пел по-весеннему залиристо, звонко, славя жизнь и свободу. Мелодия не повторялась — она была бесконечна. Вот она незаметно перешла в глубокое раздумье, повела слушателей в давно забытый мир юности, любви, счастья.

Лагерный переводчик шевелил губами, беззвучно выговаривая «боже мой», по привычке переводя эти слова на все шестнадцать языков.

Митька-сказочник в немом восторге схватился руками за голову и покачивался в такт музыке.

Староста блока лежал за ширмой на топчане, горестно морщился и курил одну сигарету за другой.

Раздумье сменилось тревогой. Что-то темное, тяжелое выходило из-под смычка, настораживая слушателей.

Вдруг скрипка вскрикнула отчаянно и больно. Резкие пронзительные звуки понеслись, заматались по блоку, сжимая сердце, останавливая дыхание. Они постепенно затихли, переходя в заунывный тоскливый напев.

Обычно неподвижное, бесстрастное лицо скрипача непрерывно менялось: оно то бледнело, то горело болезненно-ярким румянцем. Тонкие брови страдальчески изогнулись, глаза светились болью. В сумрачном свете дождливого дня его видели только стоящие вблизи. Для остальных оно было неясно, размыто.

— Вот это да! — прошептал Митька, не сводя с музыканта преданного взгляда, — как по нотам!

— Это верно, мой друг, — тихо ответил переводчик, — только ноты у него особые: железные.

Он взглядом указал на проволоку, натянутую по высоковольтным изоляторам вблизи окна. Стальные колючки чернели на фоне дымчато-серого неба, как нотные знаки страшной музыки. Воздушная влага оседала на них и собиралась в блестящие капли. Казалось, что колючие ноты молча плакали над тем, для кого были созданы.

А полосатый музыкант все играл и играл. Безнадежное отчаяние слетало со струн. Стало так тяжело, будто смерть уже пришла.

Напев смолк внезапно.

На секунду смычок птицей повис над скрипкой и вдруг снова ударил по струнам.

«Нет примиренья со смертью! Нет! Надо жить, надо бороться!» — пела скрипка.

Звуки были пронизаны ненавистью, звали к борьбе.

Грудь музыканта поднималась толчками. Он был бледен. Пересохшие губы плотно сжаты. На скулах перекатывались желваки.

Маршево-четкий ритм чудесной властью сплотил четыреста человек двадцати национальностей, разных вер, разных убеждений. Набатный призыв поднял их на ноги, вселяя веру в жизнь, в свободу.

Если бы кто-нибудь распахнул дверь и бросился рвать голыми руками проволоку, за ним бросились бы все.

Могучий напев гремел грозой:

— На бой кровавый, святой и правый, марш, марш вперед! — и оборвался.

Безжизненно повисли руки музыканта. Он слепо шагнул в толпу и пошатнулся. Иссохшее горячее тело подхватили, понесли на нары.

Староста положил на лоб больного руку и сразу отдернул, будто обжегся. Косматые брови сошлись на переносице:

— Дело ясное, мальчик...

— Мальчик абсолютно здоров, — неожиданно сказал переводчик, — это голодный обморок.

Непривычно твердо глядели его глаза. Голос был решителен и строг.

Староста метнул на него быстрый взгляд исподлобья, проворчал неопределенно:

— Может быть,—и, немного помешкав, уже уверенно:—Вполне может быть.

Музыкант очнулся глубокой ночью. За стеной в проволочных заграждениях уныло гудел ветер, раскачивая плохо закрепленный фонарь. Тусклые блики скакали по потолку, неровно освещая спящих. Стараясь не разбудить соседа, музыкант вытащил из-под матраца поясной ремень, сунул под рубашку. Шатаясь от слабости, бесшумно, мимо дремавшего дежурного прошел в туалет, тихо притворил дверь.

Утром двенадцатого дня блокфюрер принял очередной рапорт:

— В блоке номер 37 числится 397 заключенных. Больных нет. Один мертв. Повесился ночью. Номер 159321. Русский. Политический.

Блокфюрер записал и отошел в сторону. Четверо в резиновых фартуках нагнулись над мертвым.

Староста быстро шепнул им что-то. Четверо осторожно подняли труп, понесли к прицепу. Еще четверо вскочили в кузов, приняли и бережно положили.

Оглянувшись, блокфюрер увидел: вдоль открытых окон замерли в строю заключенные тридцать седьмого блока, провожая взглядами прицеп.

По спине эсэсовца пополз неприятный холодок: «Пожалуй, комендант прав».

СТЕПАН ТОРБООКОВ

Чел айы—февраль

Чел-айы это месяц ветра,
Он: дует яростно и зло.
За домом снега на два метра
Прошедшей ночью намело.
Весь мир в белесной мути тонет,
Метель скрывает проблеск дня.
Гудит тайга, унывно стонет,
Верхушки по ветру клоня.
И пляшут вихри так и эдак,
Лохматым дьяволам под стать.

Пусть порезвятся напоследок,
Уже недолго им плясать!
Устанет ветер бесноватый,
К сугробам тихо прикорнет—
И день, укрытый снежной ватой,
Весенним запахом дохнет.
Недаром вечер нежно-розов,
Свой сумрак медлит отпустить.
На волоске пора морозов,
Весна вблизи! Весне сверкать!

Перевод с шорского
М. НЕБОГАТОВА

Александру Родионову 26 лет. В 1969 году он окончил геологоразведочный факультет Томского политехнического института. Сейчас работает в Западно-Сибирской геологической экспедиции. Первые его стихи были опубликованы в газетах «Молодой ленинец» (г. Томск) и «Кузнецкий рабочий» (г. Новокузнецк).

Две недели подряд я живу в конюховке,
За стеною лошадки травую хрустят,
Выйду ночью, поглажу гнедого по холке.
Хорошо лошадям — ни о чем не грустят.
Да и я не грущу... Ну, по крайней-то мере,
День мой ветром дорожным и пылью пропах,
Я сегодня почти два десятка отмерил
Километров,

теперь вот курю на дровах,
Что набросаны кучей у печки железной.
Печь малиновым боком маячит, искрясь,
Я не вижу занятия на ночь полезней,
Чем в печурку смотреть,
А поленья:

«Хрясь, хрясь...»

И летят под стропила полночной конюшни
Треск поленьев и мерное хрупанье трав,
Хорошо жить вот так —

у судьбы не канюча
Никаких разособненных прав.

Не надо камней сторониться,
Пусть даже нависнет карниз,
Ведь то не карниз, а страница.
А сколько под нею страниц,
Лежащих недвижно и прочно
Под коркой ледовых полей.
На них скрупулезно и точно
Описаны стоны морей,
И мрак затяжной пеплопадов.
И вдруг отпечаток цветка
Нежданно откроется взгляду,
Как будто в иные века
Страницы планеты летящей
До нас кто-то жадно листал
И стеблем листка шелестящим
Закладывал эти места.

Загорели мы с тобой,
Нас одно светило грело.
После крымской мостовой
Ты, в прибой бросая тело,
Плыл, соленный всхлип волны
Благосклонно утешая.
...Я ж ворочал валуны
У подножия Тянь-Шаня.
И за лето мы с тобой
Очень крепко загорели,
Если не учесть того,
Что на выдубленном теле
Четкой белой полосой,
Если я рубаху скину,
След от сумки полевой
Через грудь и через спину.

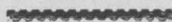
Когда я напишу свой лучший стих,
то выйду в сад, деревьям улыбнусь.
Иль в комнате вприсядочку пройду
и первым назову тот самый стих.

Последним он не будет никогда!
В поэзии такого не бывало,
чтоб вдруг последней сделалась звезда.
Покуда в ней живет луча начало,

покуда меж землей и звездным небом
тот луч звенит серебряной струной,
стих будет пахнуть теплым русским хлебом
и русским небом, русскою весной!

За моими плечами
много солнечных дней
расплескалось.
В росной зелени
дальних лугов
с белых сгустков
зовущих к себе облаков
сотни солнечных ливней,
траву приминая, промчались...
А в глазах голубых
золотые дождейки остались.
За моими плечами
много раз выпадал белый снег.
Он кружил у ресниц
и несмело к губам прикасался.
Я сбивал его с шапки,
а девичий радостный смех
вдруг смолкал:
замечали, что снег на висках
оставался.
...За моими плечами
Тридцать лет свой оттиснули след.

ДВА РАССКАЗА

СЕРАЯ НЕЖНОСТЬ

По воскресеньям палата номер три вставала поздно, к самому завтраку. Только бабушка просыпалась затемно и осторожно скрипела сеткой, покряхтывала, растирая больные, опухшие ноги. Все в палате жалели ее: толстая бабушка была тихая, чистенькая, не жаловалась и в туалет, несмотря на боль, ходила сама, двигая впереди себя табуретку, а перед тем тщательно одернув кургузый халатик. Смотрела на всех большими страдающими глазами, в семьдесят лет еще красивыми, и неловко было встречаться с ними: никто ей не мог помочь.

Беспробудно, укутавшись в одеяло, спала легкомысленная Надя. А Риту мучила бессонница, хотя и принимала она на ночь снотворное.

Утро в палате начиналось с Шуры. Она провозглашала его добрым днем для всех и включала наушник. Сейчас мужской дуэт проникновенно пел песню «Я назову тебя зоренькой».

— Чудесная песня, — вздохнула Евдокия Ивановна, приподнявшись на локте. — Моя любимая.

— Во, во! — засмеялась Шура. — Все бабы тают, потому как дуры. Нежные голоса подкупили! А слова? Вы хоть бы вдумались! Ну да, он ее назовет и зоренькой, и солнышком, и радугой — чем угодно, но за каждую ласку по условию: чтоб и пораньше вставала, и везде успевала, и подольше, видишь ли, светила. А иначе не назовет! Это же насмешка. А что ЕМУ останется делать? Петь?

— Ну и ну, — смеются Евдокия Ивановна и Рита. — А ведь и правда. Ты у нас, Шура, прямо рентген.

Шура — душа и двигатель палаты. Хозяйка. А анекдоты приходят слушать со всего отделения. Уже за пятьдесят перевалило ей, но больше сорока никто не давал. Высокая, черноволосая, с модной стрижкой и гладким белым лицом. Сильный, звучный голос. Передачи носили ей сестра и дочка с зятем. Мужа у Шуры не было: как умер в молодости, так больше и не выходила. На любопытство женское отмахивалась. И если очень уж донимали своим удивлением и расспросами, отвечала обстоятельнее:

— Ну и что, что красивая? А была бы я такой при муже? Что-то не больно вы цветете! А тут, ни тебе нервов, ни тебе забот лишних. По мне, что есть мужики, что нету их. Не верите? Ха! Ну, кто знает меня, те верят. Двадцать пять лет живу здесь, у всех на виду.

— Но не может же быть, тетя Шура, чтобы вам никто за всю жизнь не понравился,— допытывалась Надя.

Шура хмыкала.

— На такую красоту любой пойдет,— капала Надя.

— Да это же смешно,— и Шура в самом деле смеялась, довольная, однако, комплиментом.— Хорошие-то с семьями живут, а плохие мне зачем? Пьяницу какого? Да я же сразу убью его. Вот те честное, ей-бо, пришибла б на месте. А ну их к чертям. Я внука рашу, ни у кого такого!

...В палату заглядывает сестра Капа.

— Девочки, вы взвешивались? Оставляю весы, передадите в шестую. Рита тормозит Надю. А Шура идет взвешиваться в процедурную, на «настоящие» весы—эти, ручные, боится сломать: «Габариты! И куда только разносит?».

После завтрака ждут девяти часов. Первый посетитель—представительный сын бабушки. Так и встрепенулась, зашевелилась радостно на встречу.

— Что-то забыли вы про нее,— с укором говорит Шура.

— Да некогда все,—сын суетливо вынимает из сумочки неизменные компот и печенье.—А мамашу мы не забываем, мы мамашу любим.

— Как детки?—спрашивает бабушка.—В школе как?

— Хорошо!—кричит сын в ухо ей.—У Лены одни пятерки! Привет вам передают. Как ноги-то?

— Болят ноги,—никнет бабушка.—И не лечат их. Уж и лучше бы дома.

— Лежите, лежите, что дома? Мы на работе, сами знаете. Нюся приболела. Грипп! Спросила, что вам принести.

— Ничего, сынок, ничего не надо, только вот платок чистый.

— Вы бы не сладкое принесли, а посытнее,—опять вмешалась Шура.—У нее аппетит хороший, а сладостей вон полная тумбочка, внукам бережет.

Глухая бабушка не слышит, о чем говорит Шура, снимает соринку с колена сына. Говорить им не о чем, и вежливый сын, посидев немного и деловито взглянув на часы, начинает прощаться.

— Выздоровливайте, мама!

Бабушка рассеянно улыбается и кивает в ответ, кивает. Влюбленные и страдающие глаза.

— Сукин сын!—почему-то возмущается Шура, и нет гарантии, что адресат ее не услышал.

Нацепив очки, Шура разворачивает газету.

— Чего там на съезде-то?.. Дуся, слышь? На сколько у тебя облигаций? У меня тысяч на восемь, неужто все восемьсот и выплатят?

Евдокия Ивановна своих выглядывает у окна. Рита в тумбочке порядок наводит. Надя, конечно, упорхнула. А Рая все читает—вторую неделю—потрепанную «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».

— Любаши нету что-то,—говорит Рита.—И не слышно. Дверь в палате закрыта.

— Капа сказала, плохо ночью ей было, отваживались,—нехотя отозвалась Рая.

— Оеньки,— Шура откладывает газету.— Опять! Ну ты скажи, как не повезло девчонке.

— Начинается,— вздыхает Рая.— Любимая тема: Любаша!

— Ух и скрипучая ты, Райка, даже не поверишь, что годов тебе всего двадцать три. Любаша моложе гораздо и больше, а ты и в сравнение не идешь.

— Да, да,— подхватывает Рита,— погляди в зеркало, какая ты стала. Желтая, вялая. Только спишь да болеешь. Ну, порок, ну, тяжело, а сопротивляться—то надо. Уже и в столовую ходить отказалась!

— Меня на инвалидность переводят! — Рая нервно листает книгу.— Не за притворство же.

— Ну и сиди дома! — досадует Шура.— А Любаша говорит: «Хощь принимать телеграммы, а работать непременно».

— Ну, и пусть, пусть работает!

— А ты не злись. Она и замуж еще выйдет, а вот про тебя сомневаюсь, если не переменеешь.

— Уж и выйдет,— фыркает вконец обиженная Рая.

— Да, ты покрасивше, спору нет, но нету в тебе тепла и света, понимаешь? А это в человеке самое главное. Ну-ка, Рит, объясни ты, у меня слов мало.

— А ну вас совсем,— Рая, дрогнув голосом, хватая со спинки кровати халат, одевается и бредет из палаты.

— Во дуреха,— удивляется Шура.— Мы ж как лучше хотим.

Евдокия Ивановна, наконец, дождалась. Повязывает на голову полотенце, чтобы не просквозило в пропускнике, говорит:

— Не трогали бы вы Раю, все равно без толку. Любочка ведь редкость.

— А пусть. Хоть от подушки оторвется.

Да, о Любе поговорить любили. И всегда радовались ее слабой улыбке, голосу тоненькому. Даже Рая, кстати, перестала раскидывать свои тапочки, а ставила носок к носку, после того как Люба однажды пошутила: «Есть примета: если врозь, то разлюбят». Люба разносила по палатам градусники после сончасы, писала для бабушки ответы, когда к той приходили письма. А угловая палата и вовсе находилась под ее шефством. Лежали там неходячие, тон задавала отчаявшаяся тетя, и Люба воевала с ее настроением, читала стихи, детектив какой-нибудь, но больше Чехова, и палата то плакала, растрогавшись, то смеялась. Лечащий врач называл ее своим полпредом, а больные шутили: надо, мол, Любочку хотя бы на полставки зачислить.

Любе полагалась ежедневная прогулка, лифт спускал ее вниз, и она бродила в больничном саду по раскисшим дорожкам, щурилась солнышку и приносила в палаты уличные подарки: острые серебряные сосульки.

— Хотите поддержать, хотите? — радостно спрашивала. И от рук ее, от слегка порозовевших щек пахло апрелем.

Маруся, соседка ее, ревниво колотила в стены, когда Люба задерживалась в соседних палатах.

— Маруся, не хулигань,— смеялась Шура.— Любаша не только твоя.

Маруся, немолодая уже женщина, изможденная, с бинтиками в тощих косицах, задыхаясь от астматических удуший, хрипела:

— Ага, вас много, да еще Любашу вам!

— Теть Маша,—извинилась Люба,—вы хоть читаете, а в первой и этого не могут, нельзя им.

— Нечего! — все равно сердилась Маруся.—Вот пушу тебе таракана в постель!

Тараканов Люба боялась панически, благо, их не было. Первая палата заочно ненавидела Марусю за требовательный стук в стенку, тем же отвечала им и она, хотя, в общем-то, Люба выходила только по вечерам и ненадолго, а то и вовсе лежала, если было ей плохо. Доктора в их палате задерживались дольше, и те, что в ночь дежурили,—тоже, и Маруся, когда не было Любы, хвасталась: «С Любашей моей о чем только ни говорят! Я даже и понимаю-то не все». И сокрушалась потихоньку, что вдобавок к никомушнему здоровьишку Любочка некрасива. Соломенные волосенки, и лицо из тех, что «без особых примет». Только кожа белая, тонкая и нежная.

— Много ты понимаешь в красоте! — сердилась Шура.—Умный сразу увидит, кто перед ним.

— Так-то оно так, да ведь ни один парень еще сюда не приходил, нету, значит.

— Ну и дураки, было б о чем горевать. Все еще впереди, и не каркай.

Евдокия Ивановна, вернувшись, долго не могла отдышаться, потом стала угощать пирожками Шуру и Риту.

— Подостыли малость, но ничего.

— Да и мне принесли. Что, столы сдвигать? Рита, посолиться хочешь? С мяском сальце, вку-усное.

— Что вы,—замахала руками Рита.

— Ну и трусь. У меня тоже печень, но уж лучше раз напиться живой крови, чем триста лет питаться падалью.

— Что, что? — заинтересовались обе.

— А не знаете разве? — Шура резала сало.—Кажется, в школе еще проходили. Ну, Орел спрашивает Ворона, почему тот живет триста лет, а он, Орел, только тридцать три года. Ворон и отвечает: «А оттого, что ты пьешь лишь живую кровь, а я питаюсь падалью». Тогда Орел сказал: «Чем триста лет падалью питаться, лучше один раз живой крови напиться». Ну?

— Не могу,—Рита жалобно посмотрела на розоватое, с толстой мясной прослойкой сало и, прихватив вязанье, ушла.

Рите за тридцать, библиотекаряша, Шуре она очень нравится: и за «интеллигентную» внешность, и за доброту, и ум, а также за то, что муж уважительный, каждый день под окошко бегают. Никогда на него Рита не жаловалась и вообще ни на что. А Евдокия Ивановна с самой войны учительствовала в начальных классах и прическу носила учительскую: гладкие седеющие виски, узелок косы на затылке. Носила странные какие-то, невзрачные бусы. Надя не вытерпела да и спросила, почему не сменит.

— Привыкла,— Евдокия Ивановна осторожно прикоснулась к шее.— Муж мне перед уходом на фронт сам их надел. «Если снимешь,— сказал,— меня убьют». Не снимаю с тех пор. Не вернулся...

Бабушка спит, намаянная болью. Но и во сне лицо ее в домике белейшего, в мелкую точку платка скорбно. Возвращается Рая.

— Сальца, а? — предлагает Шура.

— Спасибо,— Рая ложится, отвернувшись к стенке.

— Надежда наша запропала где-то, не видела?

— Да на лестнице с каким-то полосатиком.

— Во, дает, мало, видно, ремня мужнина пробовала. Ага, собственной персоной! А мы о тебе речь ведем.

— Только и делов, тетя Шура,— голубоглазая Надя парикмахерскими пальчиками поправляет пышные волосы.

— А все равно, Наденька, все цветочки в поле не сорвешь.

— Ох и скажете! — хохочет Надя, подсаживаясь на Шурину постель.— Однако и так букетик знатный, я не обижаюсь. У каждого своя ведь философия.

С мокрой тряпичей входит, подшаркивая, няня Луша. Самая пожилая из нянь, но самая трудяга, вечно занятая. Ее дежурства любили, хотя и ворчит постоянно, неизвестно на кого и на что. И другая странность. Трет старательно подоконники, спинки кроватей, ручки оконные и дверные и, ни к кому не обращаясь, ни на кого не глядя, заводит о чем-нибудь, словно продолжая давний разговор.

— Это,— откашливается она, помолчав,— говорят, жена Гагарина каждый день на Красную площадь ездит. Выйдет из машины в черной одежде и цветы под ним ложит, под прахом-то. Вот несчастная,— Лушина голова, сложно повязанная марлей, скорбно качается в такт движениям.

— Да,— вздыхает,— не уберегли,— и замолкает надолго. Все в палате тоже молчат.

— А в Чили переворот,— говорит Луша уже под занавес. Все последние известия касательно политики можно узнать у нее: радио слушает исправно.

Луша терпеть не могла беспорядка и еще — одной старухи. Если чистенькую бабушку с тромбофлебитом так и называли бабушкой, то этой такое название вовсе не подходило: именно старуха. «Похожа на ведьму,— ежилась Надя.— Не хватает только метлы». И в самом деле похожа. Даже платок завязан на лбу — два острых конца рожками в стороны. Старуха была тощая-претощая и длинная, тоже полуглухая, дожидалась здесь места в доме престарелых. И во все совала свой огромный нос. В дополнение ко всему бегала курить в мужскую уборную. Заведующая никак не могла с нею сладить. «Не ори, и так слышу,— невозмутимо отвечала старуха, опуская тяжелые веки,— поздно менять привычки, семьдесят шестой пошел». И прятала, похотывая, спички. Независимый вид, выпуклые водянистые глаза смотрели холодно и презрительно. И особенно раздражалась бабушкой из третьей палаты. Та приветливо и несколько заискивающе улыбалась ей, показывая на уши. А старуха морщилась и с досадой хлопала себя по костлявым бедрам:

— Осподи, вот беспокойная-то, а? И чего копошится? Ну, чисто курица в пыле! И хорошится все, и щипат простыни, тьфу!

Про Любу, однако, говорила: «Хорошая девка, ласковая».

В другом конце коридора за ширмами лежала женщина, три дня назад привезенная с отеком легких после сердечного приступа. Вроде бы, уже и сидеть рвалась, и спала хорошо, все больные радовались. Только эта старуха, дошаркав до ширмы и заглянув в щель между створками, окутанным густым басом бормотала: «Помрет, все равно помрет». Из-за ширмы выходили сестра больной и муж, тихий, растерянный: «Иди, бабка, иди». Старуха отскакивала от «глазка». «Ой-е-е!» — возмущалась, хлопая по бедрам и надменно удаляясь. А спички нахально гремели в кармане халата. Как вызов наивной заведующей.

В полдень, крахмально хрустя белоснежным халатом, полненькая Капа раздала лекарства. Шура, держа ложку с микстурой и насыпанными же таблетками, торопливо приговаривала:

— Прими, господи, не за пьянство, а за лекарство, не через день, а каждый день, не по чайной ложке, а по чайному стакану. Аминь, аминь, аминь,—и хлоп в рот ложку.

— Сразу видно, что пьяницы заболели!

Все обернулись на веселый голос.

— Любочка! — кинулась Шура. — А мы боялись сами к тебе, спишь, сказали.

Люба, в полосатом красном халатике, близоруко щуря карие глаза, улыбалась, пряча что-то за спиной.

— А что я вам принесла!

Даже Рая села на постели.

— Серую нежность, вот что! — и торжественно протянула Шуре несколько вербочек.

— Ух ты! — восхитилась Шура. — Щас бутылку помою!

Всем хотелось потрогать, погладить пушистые светлые комочки, серебристое ласковое растение. Бутылку водворили на подоконник.

А после обеда Люба с матерью гуляла в саду, махала им ладошкой. Все порывалась расстегнуть свою шубку (она давно жаловалась, что не разрешают сменить на весеннее пальто). Шубка была серая и платочек тоже. Рита, поправив очки, тихо сказала:

— Посмотрите, серая нежность...

Солнце насвечивало вовсю, яростно плавило остатки бурого рыхлого снега. По шоссе, за больничной оградой, неслись, поблескивая, веселые ручьи, и небо было высокое-высокое, синее-синее.

МАРИЯ

Все дни для Марии были похожи один на другой, как близнецы. Если и выпадали какие-нибудь поярче, то их так немного за всю взрослую жизнь набралось, что и затерялись незаметно в бесконечной сутолоке хлопот.

Год за годом, задолго до рассвета, вставала она разжигать примус, наспех ставила ведро с картошкой — для коровы или поросенка — и бежала досыпать. Правда, уже в полглаза. Час пролетал, будто и не было его. Марии всегда хотелось спать, и если она мечтала сильно о чем-то для себя, так о том, чтобы хоть раз выспаться вволю. Хотя и жили в казенной квартире давным-давно, а вот привыкло к животине домашней. Да и как, если столько здоровых едоков, знай только на стол подавай. Ленька, тот совсем не может без молока, а магазинное водой называет. Опять же котлеты каждый день. И вот как начинается затемно день, уже нет времени отдохнуть. Корову подоить, завтрак приготовить, сыновей в школу отправить, из школы к обеду встретить, вечером сноза в стайку. Штопка, стирка. А с весною новые заботы: мичуринский участок. Чем длиннее день, тем больше дел. Тут уж до глубокой осени завертись: копай, унавоживай, сажай, поливай, соленье-варенье... Семья большая, а помощников мало, сама, видно, виновата: как поставишь себя. А муж разве только с картошкой поможет управиться и покос обеспечит. А если запьет, то на недели. Ладно, что бить перестал: Миша вырос, не позволяет. У Миши сейчас своя семья, Юрочка рсдился. Пришлось отдать им большую комнату. Тесновато, конечно, Марии с двумя сыновьями и мужем в маленькой, но что поделаешь — молодые, понимать надо, а ребенку воздух нужен. И так Тамара всем недовольна, днями не разговаривает. Ну, как хочет, лишь бы Мише хорошо было.

— Мам! — дергает за рукав Марию Леня. — Уснула, что ли? Мы пошли!

Все на работе, только Тамара с Юрочкой спят. Миша завтрак сам себе готовит: кофе сварит, поджарит хлеб. Марии это не нравится: могла бы и жена приготовить, а спать — и так целый день спит, даже не читает ничего, но опять же — незачем в ихнюю жизнь вмешиваться, а то сама же и нехороша станешь.

Так-то она ничего, невестка, строгая, Мише только такую и надо, а что Марии не помогает, так, может, и тут она права. Ясное дело, семья-ца большая и все мужики, натопчут, пораскидают, некогда Марии за всем уследить, а Тамара сердится. Вот и стала мыть пол только в своей комнате. Кастрюли свои завела. Не сварит даже на ребятишек, когда Марии нет дома. А Мария еще и работает: ходит полы мыть в контору. Хоть бы когда корову подоила хозяйюшка молодая — ан нет, брезгует, сколько дней дулась, когда Мария сгоряча заикнулась было. И Миша рассердился. А она до ночи в конторе прокопалась, после домой бегом, за подойник да в хлев, ночью-то. Молочко-то все любят... И еще доха эта теперь, Миша все подлизывается, просит. Господи, ну конечно, надо Тамаре, но почему доху-то сразу? Можно и пальто хорошее, в три раза дешевле обойдется, доху ведь куда попало не наденешь. Нет, хочет чтобы жена нарядная была, лучше всех. А к дохе сапоги. Вот и выкладывай, мамочка, четыре сотни. Легко сказать! Деньги-то есть, пойдет и снимет с книжки, разве откажешь старшенькому, но маленько и обидно вроде, должен бы и Миша понимать: у нее ведь еще двое растут. То коньки им особые подавай, то велосипед. Отдаст, говорит, да где там отдаст...

Мария цепляет ведра на коромысло, гасит свет на кухне. Сорвавшись с руки, оглушительно стреляет заледеневшая дверь подъезда. Глаза сразу застилают слезы, в носу делается щекотно. Да, знатный морозец, туман рассеивается в жиденьком мутном свете уличных фонарей. Снег, как новенький, скрипит. Мария заворачивает за угол и тихонько ахает, словно впервые такое увидела. А на обратном пути, когда уже совсем рассвело, и вовсе залюбовалась, шла, вертя головой, даже оставилась.

Зима справляла какой-то свой праздник, и заколдованный город замер в красоте неопишуемой. В кольчатом инее деревья казались выше и чудо как стройными, сквозными, особенно березки — те будто на цыпочки привстали. И домов не видно за огромными пышными тополями, едва просвечивают коричневые стены сквозь затейливый штриховой орнамент белых веток. Волшебный серебряный город, родившийся из ночного тумана... И Мария подумала, что никогда бы не смогла жить там, где нет зимы. Хоть даже в самом райском месте.

Когда началось утро, Мария не помнила. Уже был вечер, и она возвращалась, усталая, замерзшая, от коровы. Еще задачки решать с мальчишками, никак у них не получаются эти задачки, и Леня вертится на уроках, учительница жалуется...

В подъезде Мария потопала валенками, стряхая снег, сняла варежку, потеряла глаза со слипшимися от инея ресницами. И тут заметила в их почтовом ящике, что самый крайний в нижнем ряду, беленькое что-то. Открытка. Без штемпеля. «Уважаемая Мария Николаевна, поздравляем Вас с днем рождения...». «Батюшки, да ведь день рождения у меня сегодня! — изумилась Мария. — Сорок пять». Оленька поздравила, помнит, надо же! И вдруг плакать захотелось от усталости и боли. Дожила вот, собственный день рождения забыла, а напомнить некому. Чужая девочка только и помнит. И чем Тамара лучше Оли для Миши, чем?..

Мария спрятала открытку в карман, зажала под мышкой коромысло, взяла по ведру в руки и пошла наверх.

Назавтра, в субботу, пришла бабушка, Мариина мать, коржиков принесла, поцеловала Марию в щеки.

— Прости, дочка, морозно вчера было, сегодня поздравляю.

Миша покраснел. Деньги-то на доху он уже взял.

— Что же ты, ма, ничего не сказала? — пробормотал он.

— А я и сама забыла! — весело ответила Мария. — Идите к столу.

Поташов Владимир Тимофеевич родился в апреле 1941 года. Родители погибли на войне. Воспитывался в детском доме, учился в ремесленном училище, служил на Северном флоте. Печатался в журнале «Наш современник», в областных и флотских газетах.

Далекая мальчишеская быль...
Усталая полуденная дрема,
Веселая соломенная пыль,
Хрустящая горячая солома.
И хорошо, что мне разрешено
Махнуть с площадки в зыбкие обвалы,
Когда стекает шумное зерно —
Рассыпчатое — в кузов самосвала.
А после, развалясь у колеса,
Рассказы взрослых слушать краем уха.
И видеть, как уходит в небеса
Большого солнца жаркая краюха.

Какое счастье — головокруженье
От волшебства погоды штилевой!
И белыми ночами, и сиренью,
И мокрыми ночами, и травой —
Как пахнет море!
Свет какой короткий!
Ни всполохов ночных, ни криков птиц.
Мы обалдели, выйдя из подлодки,
От тишины, не знающей границ.
И удивились воздуху и штилю —
В такую ночь такая гладь и тишь!
Такие сны,
Такие мысли плыли,
Такие чувства головы кружили,
Что не запомнишь и не повторишь!

Как птицы опьяняются полетом,
Как самый воздух напоен вином,
Так весь состав торпедного расчета,
По всем приметам, тронулся умом.
И сопки, словно белые медведи,
Шатаются в сиреновом дыму,
И нам еще всю ночь стоять на рейде
И белой ночи слушать ворожбу.

Вечеринка

Ах, вы, сени, мои, сени...
Пальцы крутом — не унять —
Захлестнулася весельем
Двадцать пять на двадцать пять.
Не гармоника, а лихо!
Гармонист — не черту ль брат!
Бабы охают с придыхом,
Норовят гармони в лад.
И идет, идет веселье,
Не веселье — ураган.
Только крикнул дядя Сеня,
По прозванью Гром-Нога:
«Что ж вы, парни, разомлели,
Муравей вас укуси?
Показать вам, как умели
Веселиться на Руси?!»
В рамках вздрагивают звенья,
Ноги сами не свои.
Ах, вы, сени мои, сени...
Сени новые мои!
Ах, вы, сени мои, сени...
Щелкнул в пальцы в такт битью,
Не двумя, а сразу всеми,
Если хочешь, — десятью.
Прогибая пол упругий —
Что ни шаг, то смех кругом —
Гром-Нога пошел по кругу,
Грудь расправив петухом.
Ущипнул, как бы рассеян,
Молодуху у стены...
Ах, вы, сени мои, сени,
Сени, новые штаны!..

Перевернуть слова с веселья,
Захмелев,— какой пустяк.
От войны — у дяди Сени
Нет ноги, одна культя.
Вот сидит он, в меру пьяный,
Костыли к ноге сложив.
«Наливай-ка, брат, стаканы
Веселись, покуда жив!
Нынче праздник, воскресенье,
И веселье — наповал.
Ах, вы, сени мои, сени!
Сени, черт бы вас побрал!»
А по кружкам льется зелье.
И гармошка льет волной
«Ох, ты, русское веселье,
Что ты делаешь со мной?
И откуда, мать честная,
Только ширь тебе дана?
Ни конца тебе, ни края,
Ни покрывки и ни дна».

Кого винить в разгневанную пору?—
Гнезда на пепелище не совьешь.
Фронтовики поуходили в город,
За ними потянулась молодежь.
А здесь, буйноголосая такая,
На удивленье вымахала рожь.
И радоваться надо б урожаю,
Да вот беда — жнецов не наберешь.
Отмеченный военною печатью —
Пустой рукав до самого плеча,—
Пришел тогда к детдому председатель
Сельхозартели «Знамя Ильича».
Они курили, у конторы стоя —
Директор наш и этот, без руки,
И нам казалось, будто карту боя
Сверяли второпях фронтовики.

Таштагол: рождается шахта будущего

ПРОБЛЕМА?

ДА, ПРОБЛЕМА

1. РЕКОРДЫ ТАЕЖНОЙ ГЛУБИНКИ

«В эту ночь они работали на добыче втроем: Петр Кузьмич Сиваков, Иван Еремеевич Сухарев и Валентин Григорьевич Мерзляков.. Сменное задание добытчиков всей шахты—414 вагонов сырой руды, а трое горняков с участка № 1 выдали за это время 462 вагона—при шахтном плане в 2898 тонн руды добыли 3146 тонн!

На поверхности их встретили с оркестром».

(Из корреспонденции «Втроем — план шахты!», опубликованной в газете «Красная Шория»).

...Сначала несколько слов о руднике. Это таежная глубинка Горной Шории. Таштагол — тупиковая станция на железнодорожной ветке, проложенной от Новокузнецка. Кажется, что крутые, поросшие густым кустарником горы здесь сдвинулись, обступили поезд и не пускают его дальше. Город расположился в живописной зеленой чаще. Асфальтированные улицы упираются в каменные кручи, по которым неумоимо карабкаются вверх заросли дикой малины. Фасады шестиэтажных зданий окрашены в светлые — желтые, розовые и оранжевые — тона. И, вероятно, сделано это с расчетом на тот эффект, которому мы были свидетелями в первый же вечер: солнце уже зашло, а окна пламенели в причудливых ярко-оранжевых бликах. Только выйдя на балкон, мы догадались, в чем дело: солнце не закатилось за горизонт, а лишь спряталось за горой и посылало оттуда прощальные косые лучи на желтый фасад школы, а она уже щедро раздаривала их другим зданиям!

Может быть, это отступление покажется излишне лирическим. Но ведь к солнцу у горняков отношение особое. Оно наглядно проявилось

в реплике, брошенной нашим таштагольским гидом — начальником технического отдела рудника Виктором Демидовичем Шапошниковым. Мы подходили к высокому 74-метровому копру шахты, на вершине которого издалека виден силуэт — опираясь на бурный перфоратор, стоит, устремив свой взор в небо, человек в горняцкой робе.

— Вот ведь как бывает, — заметил с улыбкой Виктор Демидович, — взобрался горняк на копер, чтоб взглянуть на уходящее солнце, — засмотрелся, да так навсегда там и остался!..

Если же говорить не в шутку, а всерьез, то сокровенный смысл разработанной на руднике технологии в том и заключается, чтобы дать шахтерам возможность всегда видеть солнце: уже на первом этапе внедрения она значительно сокращает количество рабочих под землей, выводит их из опасных мест, перекладывает самые трудоемкие операции на плечи машин.

Разумеется, новая система добычи руды родилась не сразу как что-то законченное, целое, а складывалась на протяжении многих лет из отдельных изобретений, усовершенствований. Это скоростной безлюдный метод проходки горных выработок. Это многостаночное бурение пучками скважин для производства массового взрыва. Это, наконец, новый способ выпуска, доставки и погрузки руды с помощью вибрации. А в целом новая технология получила название: «Система непрерывного этажно-принудительного обрушения с вибровыпуском руды».

На руднике нас познакомили с любопытной таблицей, подводившей итог промышленному эксперименту: в течение месяца вся шахта работала только по-новому. Для этого пришлось решить необычную задачу: специальное совещание обсуждало вопрос, чем занять... не участвующих в эксперименте! Ведь из 19 забоев в работе оставался только один, да и там потребовалось в восемь раз меньше горняков, чем при прежней технологии.

Таблица же как раз тем и примечательна, что последняя графа ее — «улучшение показателей по сравнению со старой технологией» — имеет весьма красноречивое уточнение: в скобках поставлено слово «разы». Не проценты, а именно разы — вот мера полученного эффекта! Интенсивность отработки блока-участка, откуда добывается подготовленная к выемке руда, увеличилась в 12,6 раза. Производительность рабочих на выпуске и погрузке руды возросла в 10,2 раза.

Не правда ли, великолепные результаты?! Пожалуй, заключительный раздел таблицы уже сам по себе — весьма звучный аккорд, ничуть не менее торжественный, чем тот оркестровый, который встречал после смены трех горняков, перевыполнивших задание всей шахты.

И все же цифры — это только цифры: как бы внушительно ни выглядели их стройные колонки, о многом они все-таки умалчивают. В самом деле: стоит задуматься, например, о том, почему именно Таштагол стал лидером в научно-техническом поиске среди предприятий горнорудной промышленности?

Тут важно еще отметить, что рудник вовсе не имеет каких-либо

В тайге. Фото В. Моисеева

преимуществ, а скорее наоборот — находится в неблагоприятном положении по сравнению со многими родственными предприятиями. Начать хотя бы с того, что у Таштагола трудная биография. Первая руда была выдана на-гора в июле 1941 года. Шахту построили в тайге, где стояло лишь несколько охотничьих домиков. Все пришлось начинать с нуля. И в сущности предприятие создавалось по временной схеме, без глубоких обоснований: железорудная база еще не была детально исследована. Да и сейчас месторождение не разведано до конца, что создает немало осложнений в работе. Вероятно, Таштагол единственный в своем роде город — за ним закреплено более 12 тысяч квадратных километров самой настоящей тайги. Но парадокс заключается в том, что при столь огромном резерве «городской» территории выбрать место для строительства вспомогательных цехов или новых жилых кварталов здесь совсем не просто: рудные тела под землей точно не оконтурены и потому новостройки могут оказаться со временем в зоне обрушения...

Первоначально спроектировали рудник и дробильно-сортировочную фабрику сравнительно небольшой мощности: в расчете на переработку около 1,6 миллиона тонн руды в год. Потом провели реконструкцию. На фабрике установили оборудование для магнитной сепарации — обогащения — руды и довели проектную производительность до 2,5 миллиона тонн. Однако и после этого фабрика осталась узким местом, или, как образно говорят сами таштагольцы, — «узким горлом» предприятия.

Что же касается рудника, то на первых порах здесь взяли за основу технологию Криворожского бассейна. Но пришло время, и ученики подвергли опыт учителей дотошному критическому анализу. И, внедрив свою технологию добычи руды, превзошли по производительности труда показатели рудников Кривого Рога в 3—4 раза.

Разработанная в Таштаголе система добычи руды позволяет перекрыть и наивысшие мировые достижения. Признанными рекордсменами по производительности труда за рубежом являются шведские горняки. На руднике Кируна при разработке месторождений так называемого подэтажного обрушения с торцовым выпуском бригада из трех человек (машинист установки «Джой», люковой и взрывник) добывают за смену 1500—2000 тонн. Применив технологию, которой еще не было в мировой практике, таштагольцы добились большего. И рекорд трех горняков, перекрывших план шахты, вполне может быть улучшен. Новая система позволяет довести добычу на рабочего в забое до 1200 и более тонн. Это продемонстрировали горняки Александр Кузьмич Шестаков и Фахрулла Заманович Хакимов: управляя попеременно тремя виброустановками «Сибирячка», они выдали вдвоем за смену 2528 тонн руды.

Так чем же все-таки объяснить рекорды таежной таштагольской глубинки? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте на время прервем экскурсию по руднику и мысленно перенесемся на центральную улицу Новосибирска — Красный проспект, где находится институт горного дела Сибирского отделения Академии наук СССР.

2. «ПОДУМАЕМ ВМЕСТЕ!»...

— Я часто говорю сотрудникам института: «Потомки, конечно же, будут умнее нас и непременно придумают новую высокопроизводительную технологию горных работ. Но не сможем ли мы помочь им в этом деле?!»

(Из беседы с директором Института горного дела СО АН СССР, Героем Социалистического Труда, членом-корреспондентом АН СССР Н. А. Чинакалом).

...На одном из традиционных международных конгрессов горняков выступил французский ученый и посетовал: что же, мол, делать, уважаемые коллеги, если весь белый хлеб уже съеден — легкие проблемы решены и остались для исследовательской работы только трудные?!

Горнорудная промышленность переживает переходный период: возможности существующей технологии, которая складывалась веками, близки к исчерпанию — надо переходить на качественно новую, а она может быть создана лишь на основе фундаментальных открытий науки.

Несколько лет назад ученые Института горного дела Сибирского отделения Академии наук выдвинули идею создания шахты будущего. В это понятие вкладывается вполне конкретное содержание: имеется в виду предприятие с новой, обеспечивающей резкое повышение производительности труда технологией, которое проектируется в каждой текущей пятилетке с таким расчетом, чтобы в следующей встать его в действие.

— Это большая комплексная научная проблема, — говорит директор Института горного дела, член-корреспондент АН СССР Николай Андреевич Чинакал. — В разработке ее участвуют ученые самых различных специальностей. Приведу такое сравнение: чтобы построить здание, необходимо прежде всего иметь кирпичи, различные блоки и панели. Подобные «кирпичики» шахты будущего и готовят сотрудники нашего института...

Испытанная на Таштаголе система добычи руды родилась в лаборатории разработки рудных месторождений, руководит которой доктор технических наук, профессор Николай Григорьевич Дубынин. Первое, на что невольно обращаешь внимание, когдаходишь в его рабочий кабинет, — это длинные стеллажи со справочно-библиографическими указателями научной литературы. По надписям на тщательно подобранных картотеках можно судить об интересах профессора: «Физика», «Геология», «Экономика», «Аналитические основы горного дела», «Горное давление», «Новая технология добычи руд» и еще десятки других разделов!

— Иногда нас спрашивают, — рассказывает заведующий лабораторией, — не разбрасываемся ли мы в своих поисках. Мы отвечаем: проблема горного предприятия будущего требует всестороннего, системного изучения.

Некоторые исследования, проводимые в Институте горного дела, могут показаться, на первый взгляд, далекими от практики. Ученые

«расщепляют», например, процесс вибрации. Как известно, вибрацией называют такое движение материальной точки, при котором она переходит через одно и то же положение устойчивого равновесия. Явление как будто простое. Но выясняется, что оно таило в себе много не познанных еще особенностей — для анализа их потребовалась помощь ЭВМ. Столь же тщательно были изучены механика и динамика выпуска сыпучих. И вот итог: разработана теория перемещения кусков породы под воздействием вибрации. Эта теория раскрывает закономерности взаимодействия руды с вибрирующей площадкой и в конечном счете позволяет создать принципиально новую, высокопроизводительную вибротехнику.

Ученые исследуют процессы дробления горной массы под воздействием взрыва. Ставят опыты, анализируют результаты их с помощью математических моделей и обнаруживают, что коэффициент полезного действия подземных буровзрывных работ ничтожно мал — не более 20 процентов: остальная энергия взрыва растрачивается вхолостую — на «разогрев пород» и «создание звуковых волн»! Разрабатывается теория дробления горных пород взрывом и доказывается принципиальная возможность не только повышения эффективности ударной волны, но и управления самим процессом отбойки: оказывается, можно добиться необходимой «кусоватости» руды и резко сократить так называемые «негабариты», вторичное дробление которых на современных шахтах является весьма трудоемким, к тому же и небезопасным делом.

Так постепенно — «кирпичик к кирпичику» — накапливается большой научный задел. И возникла проблема: как проверить эти теории на практике, как реализовать заложенные в них возможности ускорения научно-технического прогресса в горном деле?

О накопленных наукой знаниях нередко говорят, что это национальное богатство не менее, а, может быть, даже более важное, чем, к примеру, полезные ископаемые. Но богатство это необычное. И особенность его, по мнению профессора Н. Г. Дубынина, проявляется прежде всего в том, что реализация научных открытий требует интеллектуальных усилий не только ученых, но и производственников.

Известны разные формы взаимосвязи науки и производства. В некоторых зарубежных научных центрах созданы службы, получившие название «ПП» («Помогите, пожалуйста!»): внедренческую работу они проводят по заказам предприятий. Институт горного дела СО АН СССР организовал на рудниках Горной Шории научно-исследовательские группы, которые можно было бы назвать «Подумаем вместе!».

Старейшая из таких групп — таштагольская — существует уже более 15 лет. Организационно она входит в штат рудника, но работает под научным руководством Института горного дела. Опытные экспериментальные исследования ученые и производственники проводят на основе единого годового плана, в котором четко сформулированы задачи, распределены обязанности и названы конкретные исполнители по каждой теме. Не реже одного раза в квартал ученые выезжают на

рудники для методической помощи исследователям. А по итогам года составляется совместный научный отчет о проведенных опытах и полученных результатах.

Новая организация научно-экспериментальных работ меняет привычную «психологию внедрения». Не секрет, что взаимоотношения ученых и производственников нередко складываются примерно так: предприятие выделяет участок для экспериментов и... ждет результатов. Так, мол, и быть — творите, выдумывайте, пробуйте, а мы посмотрим, что получится. Таштагольцы отошли от этой схемы, и в результате родилась не только высокопроизводительная технология — может быть, не менее важно, что проверена на практике эффективная форма сотрудничества с большой академической наукой.

На новую технологию выдано авторское свидетельство № 232176. Среди первооткрывателей — ученые Института горного дела: профессор Н. Г. Дубынин и кандидат технических наук, конструктор виброустановки «Сибирячка» В. Н. Власов. И вместе с ними соавторами стали работники горного управления Кузнецкого металлургического комбината В. А. Коваленко и Н. С. Шкитов, а также таштагольские инженеры В. Д. Шапошников, Д. С. Салищев и П. Т. Гайдин, в недавнем прошлом один из руководителей рудника, а ныне секретарь Таштагольского горкома КПСС.

3. ЗДРАВСТВУЙ, НОВАЯ ПРОФЕССИЯ!

«С внедрением новой техники возрастает значение умственного труда, связанного с управлением машинами и механизмами и с контролем за работой автоматических устройств. Ведущие горняцкие профессии требуют среднетехнического образования».

(Из плана социального развития коллектива Таштагольского рудника на 1971—1975 годы).

Все познается в сравнении, и потому Виктор Демидович Шапошников сначала провел нас по забоям, где доживает свой век старая технология. На полукилометровой глубине еще действует горизонт, который стал как бы испытательным полигоном: здесь были испытываны все способы доставки руды, применяемые на горных предприятиях страны.

По лесенке поднимаемся в нишу, сделанную для скреперной лебедки. Эта техника на многих рудниках считается самой надежной. Перед тем, как спуститься в шахту, мы познакомились с изданным в нынешнем году бюллетенем Центрального научно-исследовательского института информации и технико-экономических исследований черной металлургии. Описан опыт Криворожских рудников: «В настоящее время доля скреперной доставки руды на шахтах бассейна достигла 99,5 процента, что позволяет сделать допущение о преимущественном его использовании еще в течение значительного количества лет». А справедливо ли это «допущение»? Было время, когда и на

Таштаголе признавали лишь скреперную доставку: в 1963 году вся руда была выдана с помощью этой техники. Но затем в глазах горняков репутация скреперной технологии стала неуклонно падать и в 1969 году составила всего 23,6 процента. С будущего года скреперная технология получит полную отставку: вся руда будет добываться новыми виброустановками «Сибирячка».

Их можно было бы внедрить повсеместно уже сегодня, но, к сожалению, часть рудного тела подготовлена к выемке по старой схеме. Понятие «груз прошлого» для таштагольцев не какое-то абстрактно-отвлеченное, а вполне конкретное — это миллион тонн руды, которую придется взять «классическим», но, увы, весьма непроизводительным по сравнению с новой технологией способом. Авторы опубликованного в бюллетене обзора отмечают, что «удельная протяженность нарезных выработок оказывает наибольшее влияние на производительность рабочего по системе...». Чтобы подготовить тысячу тонн руды, в Кривом Роге проходят 7,2 метра горных выработок. А таштагольская система уже уменьшила этот показатель в три с лишним раза — до двух метров. Планом технического прогресса на нынешнюю пятилетку предусмотрено за счет совершенствования технологии сократить проходку до 1,6 метра на тысячу тонн.

Это тоже веский аргумент в пользу новой системы. Но есть еще и такие, которые вряд ли возможно выразить количественно, а тем не менее они имеют очень большое, если не решающее, значение. Директор института горного дела, член-корреспондент Академии наук Николай Андреевич Чинакал говорил нам:

— За свою жизнь — а я уже «разменял» девятый десяток — мне не раз доводилось убеждаться, что судьбу новой техники определяет отношение к ней рабочего: если ему хорошо, будьте уверены, приложит все силы, чтобы внедрить!

Подсчитано, что скреперисту приходится затрачивать 16—20 процентов своего рабочего времени на разбивку «бутов» — негабаритов и ликвидацию завесаний руды. «Самотечный» выпуск руды требует и такой трудоемкой операции, как дробление на «грохотах» — решетках, сквозь которые проваливается руда лишь определенного, допустимого по технологии размера.

Грохот потому, очевидно, так и называется, что летит руда — грохочет — только берегись! А если задержится на решетке большая глыба — семь потов прольешь, пока с ней справишься.

На площадке вторичного дробления мы познакомились с грохотчиком Борисом Даниловичем Непеиным. Рядом с ним лежал наготове ломик, а в руках рабочего был столь же нехитрый инструмент, очень напоминающий обыкновенную кочергу: это так называемая шуровка, с помощью которой грохотчик «шурует» — проталкивает куски породы сквозь решетку.

Говорят, будто привыкнуть можно к любому делу. Мы поинтересовались, как относится Непеин к своей теперь уже отживающей профессии.

— Да уж поверьте — добрым словом вспоминать не буду! — за-

метил рабочий и добавил: — А вообще я уже не грохотчик, а взрывник — это дело меня устраивает куда больше!..

Прощавшись с Непеиным, идем к горной выработке, откуда доносится пулеметный, дробный перестук. Вот, наконец, и «Сибирячка». Ее внешний вид поначалу даже разочаровывает: настолько простое устройство — металлическая площадка, а под ней — карданный вал, как у автомобиля.

У пульта «Сибирячки» в эту смену работал один из тех трех горняков, которые перевыполнили задание шахты — Иван Еремеевич Сухарев. Он и объяснил, что карданный вал действительно автомобильный — зиловский. И это — рационализация: вал заменил прежнюю, ременную передачу к вибраторам. На руднике последовательно, друг за другом были испытаны четыре типа виброустановок. Первые были многотонными уродами, довольно ненадежными к тому же в работе: ремни часто рвались, электродвигатели «сгорали», болты от вибрации раскручивались и выскакивали из своих гнезд, а в довершение ко всему руда просыпалась мимо вагона.

Но горняки вместе с учеными улучшали конструкцию. Постепенно «Сибирячка» сбросила излишний вес: прежде требовалось для изготовления установки восемь тонн металла, а сейчас — меньше двух. И болты теперь сидят так, как им положено: научились лучше затягивать. Сделали металлические фартуки, и «Сибирячки» сразу же перестали быть «неряхами»: руду уже не теряют. Ну, а карданный вал обеспечил надежную, бесперебойную работу вибратора.

Иван Еремеевич подошел к пульту, включил установку, и она чем-то сразу напомнила знаменитую катюшу: скорее всего это сравнение подсказал мощный поток руды, срывающийся с вибрирующей площадки. Каких-нибудь 20 секунд — и восьмитонный вагон полон до краев. Сухарев повернул рычаг, камнепад послушно прекратился, чтобы дать возможность машинисту электровоза пододвинуть пустой вагон.

Воспользовавшись очередной микропаузой, спрашиваем Сухарева о рекордной смене:

— Очень устали в тот день?

Горняк задумывается, а потом замечает:

— Смотря что понимать под усталостью. Работа, конечно, была горячая, но вы сами видите — не ручная. Другое дело, что нужно быть очень собранным и внимательным. Потому что возрастает цена ошибки: скреперная лебедка дает за смену 100—120 тонн, а «Сибирячка» — почти в десять раз больше. Значит, и простой ее — это потери во столько же раз более ощутимые.

Мы поинтересовались, какого образования требует от горняка «Сибирячка». Кажется, вопрос смутил Ивана Еремеевича. Ответил явно нехотя:

— Я окончил только шесть классов...

Но, наверное, все же задумывается горняк о дальнейшей учебе, хотя бы потому, что многие его товарищи приняли на этот счет совершенно определенное и твердое решение. Поднявшись из шахты,

мы встретились еще с одним машинистом виброустановки — Василием Ивановичем Захватовым.

Десять лет назад, когда Захватов пришел на шахту, за плечами у него было только пять классов. Работая в шахте, стал учиться в вечерней школе. Закончил восьмилетку, потом поступил в вечерний горнометаллургический техникум — сейчас уже на четвертом курсе. А не трудно ли совмещать работу с учебой?

— Учеба мне облегчает работу, — уверенно заявляет торняк. — Вот недавно решили мы в бригаде освоить профессию взрывника. Для этого мне достаточно было пять или, может быть, шесть раз сходиться на занятия. А тем, у кого образование поменьше, потребовались месяцы...

И, рассказав об этом, Василий Иванович испытующее посмотрел из-под нависших кустистых бровей, будто спрашивая взглядом, правильно ли мы его поняли: тут дело вовсе не в каких-то индивидуальных способностях, а в кругозоре, что дала учеба!

Захватов невысок ростом, скорее хрупкого, чем богатырского сложения — его внешний вид плохо согласуется с традиционным представлением о горняке. Но ведь и сама теперешняя его профессия вырабатывает совершенно новые качества: не силу и выносливость, помогающую справиться с тяжелой ручной работой, а наблюдательность, быстроту реакции. И если хотите, развивает человека интеллектуально.

...В разработанном таштагольцами плане социального развития коллектива на 1971—1975 годы есть таблица, которая раскрывает, как изменится работа горняка под влиянием научно-технического прогресса. К концу пятилетки шахте потребуется 32 машиниста виброустановок (сейчас их 22). Уйдут в прошлое профессии бутобоя-свальщика, дверового, грохотчика, откатчика вагонов, сопровождающего сцепщика, машиниста калорифера и вентиляторов. Резко сократится количество взрывников: в 1955 году их было 120. Сейчас 73 человека, а останется только 14, причем содержание работы качественно изменится — уже с нынешнего года рудник полностью перейдет на механизированную зарядку скважин и минных камер гранулированными взрывчатыми веществами, что повысит производительность труда на этой операции в 10—12 раз. Планом предусмотрено значительное сокращение бурильщиков — с 68 до 29 человек. И эта профессия тоже существенно изменит свое содержание. Таштагольцы разработали способ бурения вертикальных скважин, позволивший вывести горняка из забоя в безопасное место. Осваивается многостаночное обслуживание буровых агрегатов: двое горняков управляют тремя станками, а в будущем каждый сможет работать на двух.

Технический прогресс вносит такие изменения, что приходится переучиваться постоянно, овладевать все новыми и новыми профессиями. Вот что рассказывал нам партгруппорг участка внутришахтного транспорта Александр Иванович Сузрюков:

— На шахте я с 1953 года, и так уж получилось, что меняю одну специальность за другой. Сначала был бутovým свальщиком. Потом

пустили подземный комплекс дробления, и мне пришлось осваивать новое дело: стал люковым-сопровождающим. Тогда на внутришахтном транспорте еще не было автоматических переводных стрелок — поэтому люковой должен был сопровождать состав до бункера, а там — выгрузить вагоны и вычистить. Сопровождающий шел впереди электровоза и таким образом определял его производительность. Как мы шутили в то время, главный резерв — собственные ноги: быстрее побежишь, и электровоз быстрее за тобой покатится!..

Сейчас Александр Иванович — машинист электровоза. Но и эта его профессия, очевидно, не последняя! В институте горного дела мы познакомились с материалами исследования, которое провела лаборатория технолого-гигиенической оценки горных машин. Как выяснилось, профессию машиниста электровоза на внутришахтном транспорте совершенно ошибочно считали одной из легких. Эта работа связана с нервным напряжением. Неудобная вынужденная поза быстро утомляет машиниста, а самое главное — мешает вибрация: если на доставке руды она стала помощником человека, то здесь — коварный враг его.

Чтобы уменьшить вредное воздействие вибрации, таштагольцы сделали путь «бархатным» — уложили сварные, без стыков рельсы. Разработанная в содружестве с учеными Института горного дела высокочастотная диспетчерская радиосвязь позволила лучше ориентироваться в обстановке и в какой-то мере сняла излишнее нервное напряжение. Внедрены и некоторые другие новинки, но все-таки они еще не решают проблемы. По-видимому, лучший выход — автоматическая электровозная откатка. Она тоже испытана в Таштаголе. Прибор, заменивший машиниста, был «проэкзаменован» с страстием. «Автоматический машинист» вовремя заметил подброшенный под колеса лом и просигналил в диспетчерскую об опасности. При перегрузке подсыпал песок под колеса и, когда это не помогло, выдал диспетчеру рекомендацию привести состав в норму.

Дело теперь за тем, чтобы изготовить необходимый комплект аппаратуры и провести широкий промышленный эксперимент. Если же говорить о более отдаленной перспективе, то, возможно, электровозная откатка будет заменена каким-то другим видом доставки руды, который будет в полной мере соответствовать новой поточной технологии. А пока ученые ведут поиски, машинисты электровозов приобретают новые профессии.

— И я уже присмотрел для себя очередную специальность, — говорит А. И. Сузрюков. — Стану оператором кругового опрокида!..

Существует прямая связь между внедрением новой высокопроизводительной технологии и первой попыткой разработать план социального развития горняцкого коллектива. План подсказан самой жизнью, очевидной необходимостью предвидеть социальные последствия научно-технического прогресса.

— Реализацию плана социального развития, — подчеркнул секретарь парткома рудника Виктор Константинович Шкарпет, — мы считаем задачей № 1 нашей партийной организации.

По плану к концу пятилетки на шахте вместо 990 человек останется 555. Сокращение значительного количества работников потребует решить сложные проблемы. К концу пятилетки уйдет на пенсию 302 горняка — в основном это квалифицированные рабочие, которым нужно своевременно подготовить замену. Очень важно также правильно воздействовать на процессы текучести кадров. В такой ситуации, которая возникла в связи с внедрением новой технологии, может показаться, что увольнение людей по собственному желанию даже облегчает задачу администрации. Однако на самом деле это далеко не так.

— Текучесть кадров, — говорит директор рудника Венициан Иванович Громадский, — нас очень тревожит. За последние годы она, к сожалению, возросла с 21,1 до 32,3. За год коллектив обновляется почти на треть, а это, конечно, ненормально. Больше половины увольняющихся уезжает из Сибири. Между тем рабочие руки здесь очень нужны. После завершения разведки месторождения (а мы настоятельно просим геологов ускорить эту работу!) станет возможной реконструкция рудника. Практически она будет означать строительство в несколько раз более мощного горнообогатительного комбината. Неподалеку в тайге разведано месторождение фосфоритов — для освоения его тоже потребуются люди. Сами темпы технического прогресса диктуют необходимость быстро решать возникающие проблемы. Стоит затянуть разведку железорудной базы, и высвобожденные в результате применения новой технологии горняки разъедутся, а они очень нужны в Горной Шории!

...Есть на Таштагольском руднике альбом, в котором гости записывают отзывы, предложения и замечания. Все, кто изучил новую технологию, оценивают ее единодушно: достигнуты выдающиеся результаты, поиски коллектива заслуживают всяческой поддержки. Заместитель председателя Сибирского отделения АН СССР, академик Г. И. Марчук, побывав на руднике, высказал мнение, что Таштагол будет, по-видимому, одним из олицетворений научно-технической революции — как в годы первых пятилеток Магнитка стала символом бурной индустриализации страны.

Сами таштагольцы столь лестные для них высказывания воспринимают как аванс, который еще предстоит оправдать новыми научно-техническими поисками. На столе секретаря Таштагольского горкома партии Павла Тихоновича Гайдина мы увидели сборник с докладами состоявшейся в Свердловске конференции по проблемам создания автоматизированных систем управления. Павел Тихонович был одним из докладчиков — как соавтор новой технологии. Обеспечивая предельную концентрацию горных работ и поточность, она создает надежный фундамент для проектирования автоматизированного предприятия. И решать эту сложную задачу нужно опять-таки на основе фундаментальных достижений большой науки. Очень важно также, считает П. Т. Гайдин, предвидеть социальные изменения в коллективе под воздействием научно-технического прогресса не только в нынешней пятилетке, но и на более отдаленную перспективу.

Здесь тоже потребуется помощь ученых. Есть нерешенные вопросы и в стимулировании технического прогресса: чтобы полностью использовать заложенные в новой технологии возможности роста производительности труда, высвобождения работников за счет совмещения профессий, очевидно, стоило бы дополнить ее щекинским опытом. И, конечно же, нельзя не согласиться с руководителями рудника: решать все эти вопросы надо с той оперативностью, которую диктуют «Сибирячки»!

Таштагол — Новосибирск

Пройдет немного времени, и Таштагол получит тысячи киловатт-часов дополнительной электроэнергии. Фото Ю. Сергеева.

В Калининграде московское время

От Москвы до Калининграда более двух часов лету — тысяча километров.

Калининградский аэропорт маленький, провинциальный, тихий, сплошь трава, белесая, без запаха: ветер качает ее редкие тонконогие султаны. По краям летного поля сильные немые дубы с черными потрескавшимися стволами: то ли от бесчисленных прожитых лет, то ли от недавней войны. Небо в легких облачных барашках, сквозь которые льется солнце. Птицы, бабочки, пчелы.

В сорока метрах от здания аэропорта — навес под шиферной крышей: здесь выдают пассажирам багаж. Я спросил у девчонки-говоруньи в синей служебной форме:

— Скажите, который час по-калининградски? Надо перевести часы...

Девчонка ответила:

— У нас московское время, дорогой товарищ. — И прибавила, глядя на меня веселыми ребячьими глазами: — Не хуже вас живем...

Тогда, в аэропорту, я не обратил внимания на фразу, что в Калининграде московское время, просто удивился, но позднее, когда познакомился с городом и областью, я понял, что эта фраза имеет символическое значение.

Когда-то Константин Георгиевич Паустовский, замечательный писатель и большой любитель путешествий, советовал в одной из своих повестей: хотите узнать незнакомый город, во-первых, сходите в городской музей, во-вторых, найдите себе доброго спутника из городских старожил, лучше работника газеты, пылкого, самоотверженного старичка, и тогда «мир любопытнейших вещей раскроется перед изумленными глазами» всякого путешественника.

Надо сказать, что поначалу мне обидно не повезло: музей оказался закрытым на ремонт, а в субботний день (я удосужился прилететь в Калининград именно в субботу) в редакциях областных газет естественно никого не было. Я устроился в гостиницу и два дня вел наблюдения за ее обитателями. Это были молодые люди — чуть больше двадцати лет, здоровяки, в тельняшках; они приехали на рыбный

промысел, разговаривали только о море, о плаваниях, об островах, о косяках рыбы, о капитанах и о работе. Один из них, Сережа Черета, украинец, с большими красноватыми гусиными глазами показал мне около двадцати удостоверений — любую работу давай, на все руки мастер, как говорят, прошел огни, воды и медные трубы. Он держался уверенно, ходил враскачку, подобно прожженному боцману-мореману, басовито ругал своего друга:

— Казав — пиши до хаты, пиши... Загулявся, оболтус... Матушка приеде, задаст прочуханки...

Были и девушки. Одна, из Брянска, Нина Колдурина, откровенно призналась, что у них на Брянщине вывелись хорошие парни и она приехала в Калининград работать, а попутно и выйти замуж. Ей было лет двадцать шесть, девушка рослая, миловидная, лицом скромна и глазами застенчива, однако пооткровенничала охотно, с милой грустинкой одинокого человека. Вечером она танцевала в гостиничном ресторане с Сережей Черетой.

Глядя на них, я подумал, как различны и порой незначительны устремления каждого человека в отдельности, но как важно удовлетворение этих устремлений, потому что, в конечном счете, это и есть счастье каждого, а из счастья каждого складывается счастье всех.

В понедельник утром я отыскал в редакции калининградской молодежной газеты очаровательного спутника, молодую женщину, смуглую, какую-то необыкновенно подвижную, верткую, всю счастливую. Она взахлеб рассказывала мне о городе, а я называл ее Галиной Ивановной, милочкой (никакой не «старухой»), и ей нравилось. Галина Ивановна больше недели моталась со мной без усталости, попутно писала корреспонденции — очерки, заметки, пила пиво, танцевала, и я, несомненно, ей много благодарен за бескорыстие и добро, которое она делала для меня.

До этого я никогда не видел островерхих крыш, покрытых красной черепицей, хорошо просматривающейся в зелени дубрав и березняка; не видел обязательных в каждом городе немецких кирх; я почти ничего не знал об этой земле, когда-то наводящей ужас своим диким и алчущим воинством. Поэтому в каждом строении, в каждом отрезке дороги, сделанных, надо сказать, не наспех, не еле-еле, а на века, в каждом клочке земли-политоне, мне поначалу виделось одно и то же, пережитое недавно моим народом — война. Где-то здесь она зарождалась, кружила головы не раз битому пруссачеству, где-то здесь маршировала по брусчатым мостовым, цокая подковами лакированных сапог, где-то здесь — и в этом доме, и в этом, и в этом — торжественно и по-прусски чванно отмечали падение Риги, Минска, Смоленска...

— Вы знаете, — говорила Галина Ивановна, — эта мысль, по-моему, буквально у каждого, кто приезжает сюда в первый раз...

Как-то неожиданно испортилась погода, с моря подул ветер, и низко над домами погнало сырые рваные тучи. Галина Ивановна забрюзжала на калининградский климат, но все равно лазила со мной по городским развалинам, которых в городе множество, ездила на скри-

пучих медленных трамвайчиках. Трамвайчики смешно петляли по заросшим пустырям, будто объезжали каждый кустик и каждый камень. Пожилой калининградец, сосед по лавке, объяснил мне, что здесь когда-то были кривые кенигсбергские улочки с пивнушками и подозрительными значными местами. Сейчас от этих улочек ничего не осталось, как видите, только трамвайная линия и брусчатка, связывающие один городской район с другим: они как петляли, так и петляют...

— Мы здесь немцу задали в свое время, — добавил калининградец, притлаживая седые виски. — Сурьезно дрался, стервец, вовсю сурьезно... Ну, мы его и покромсали...

Калининградцы вообще разговорчивы. Наш сосед оказался, что называется, истинным калининградцем и собеседником охотным и приятным.

— С сорок пятого года здесь живу. Ранили под Белау, так и остался... После семью привез...

— Откуда сами? — спросила Галина Ивановна, строча что-то в записную книжку.

— Сам вятский, но перед войной жил на Псковщине. У нас там все немец пожег... Назад — делать нечего... Остался здесь...

— Привыкли? — спросил я.

— Живем и живем. Псковским не впервой на этой земле жить. Тут место славянское...

Надо сказать, что калининградец был прав.

Но это действительно древняя исконная земля прибалтийских славян, которых вытеснили отсюда на восток неугомонные германские племена. Об этом говорят многочисленные документы и археологические раскопки. Этот благодатный край пришелся по душе германской аристократии, и она основала здесь прусское военное государство с главным городом на берегу тихого незамерзающего залива.

После войны была восстановлена справедливость.

Теперь, так сказать, у Калининграда две истории: одна довоенная, чужая, трагическая, вторая послевоенная, близкая советскому человеку, славная. Отсвет этих двух историй лежит на многих улицах города и воспринимается порой остро. Мы все привыкли к нашим областным партийным центрам: это светлые, строгие и просторные здания, на каждом из которых белизна Смольного и белокаменного Кремля, а в Калининграде это пока что старое, темное, угрюмое прусское сооружение... И улица темная, тесная... И деревья темные... Глядишь, и становится не по себе...

Я сказал об этом Галине Ивановне. Она ответила:

— Руки не доходят... У нас еще с жильем кутерьма...

И повела меня новыми светлыми улицами, показывая, как застраивается город. Я оказался в приятных объятиях родной советской земли. И здесь, как повсюду, огромное строительство, вселяющее надежды, что скоро с проблемой жилья будет покончено навсегда.

Незаметно я приобщился к калининградским просторам, привык к видам города Калининграда.

Меня порадовало спокойное величие близкого сумрачного неба над городом, видимого сквозь густые кроны каштанов; порадовали неожиданные ясные дали, когда вдруг мы вырывались из городской тесноты и мчались куда-нибудь на такси прямым брусчатым трактом. Порадовала светлая зелень загородных лесов: леса занимают одну пятую часть всей территории Калининградской области, в основном это лесопосадки. Порадовали ухоженные поля, всползающие на невысокие холмы, синие заводы люпина у дороги и на пастбищах, отчего воздух кажется голубоватым даже в пасмурную погоду. Порадовали многочисленные ленивые стада пятнисто-черных коров местной остфризской породы.

Но Галина Ивановна неизменно твердила, что это только «цветочки», «ягодки» я увижу, когда, в конце концов, наладится погода и мы поедем на Куршскую косу. Это по-настоящему красота красот, место необыкновенное, единственное, непередаваемое...

Я ждал этот день с нетерпением. И дождался. Однажды ночью ветер разогнал тучи, и настало поистине волшебное розовое утро. Мы наскоро собрались и уехали рано.

Куршская коса — это заповедник. Словно сабля, протянулась она через море от Зеленогорска до Клайпеды, золотисто-песчаная, с дюнами — иные до шестидесяти метров высотой и более. Красавицы корабельные сосны высоко в небе сплелись густыми кронами и вечерами скрипели на ветру жутко. Неизменно шумело ветреное Балтийское море, до которого от места нашей стоянки было несколько сот метров; зато на другом берегу — у Куршского залива тихо, и вода здесь теплее. Людей на косе — немного, разве что празднично-шатающийся отпускник с фотоаппаратом или экскурсанты на автобусах да случаются рыбаки на личных машинах в выходные дни.

Мы с Галиной Ивановной провели на косе замечательных два дня: жгли костер, варили уху, и она мне говорила, что очень завидует писателям, потому что они видят больше и чувствуют острее.

Балтийское море по сравнению, например, с Черным, менее выразительно и красиво, но безусловно имеет свое запоминающееся лицо: море сильно выпуклое, сероватого оттенка из-за многих низких над ними облаков и сердитое. Берега его песчаные. Собственно, это не сами берега, а морское дно: Балтийское море летом мелеет. Настоящие берега обрывисты, красиво оборудованы спусками, все в густой зелени. Это курортные места Калининградской области — Светлогорское побережье. Оно сплошь в борах. И город Светлогорск в бору. Бор настолько частый, что не видно домов. Чудесный сосновый воздух, чистота, упоение... (Кстати, раньше Светлогорск назывался Раушен. С немецкого можно перевести это слово так — испытывать упоение. В Раушене была вместилище дача Геринга, подаренная ему фюрером за верную службу. Практически весь город был собственностью наци-2).

Светлогорское побережье расположено очень удобно: от него до Калининграда сорок минут на дизеле, заменяющем здесь элек-

тричку. Дизели ходят часто, и собственно побережье воспринимается как пригород Калининграда.

Сам Калининград — город интересный, своеобразный. Когда-то он был большим, тесным, но во время войны был разрушен значительно, потому сейчас бросается в глаза его разбросанность при населении всего немногим более 200 тысяч человек. Главная достопримечательность Калининграда — город очень зеленый, прямо очень. Тридцать процентов территории города занимают сады и парки. А озелененные улицы, скверы? Что только здесь не растет: ель, сосна, дуб, граб, ольха, береза, липа, клен, туя, магнолия — более 250 видов растений. Я был в Калининграде, когда отцвели каштаны и начали расцветать липы. Можете мне поверить, это прекрасно...

В центре Калининграда возвышенность — бывшая Королевская гора, отчего и произошло название города Кенигсберг. (Здесь был замок прусских курфюрстов, в настоящее время полностью разрушенный: на его месте намечено построить Дом Советов). Гора нерезко спускается к реке Преголи. За одним из рукавов реки, на равнине — знаменитый кафедральный собор, точнее, его остов — последствие войны. Собор — памятник архитектуры средневековья, сооружение величественное и крепкое... В настоящее время пылкие калининградские влюбленные избрали его местом увековечивания имен своих любимых: Люба, Нина, Зина, Рая по всей западной стене, высота которой не меньше двадцати пяти метров. Можно только диву даваться, как они умудряются туда забираться...

Здесь же, у одного из углов собора, могила немецкого философа Иммануила Канта. Это просторная гробница из тридцати колонн, накрытая плитой. Колонны схвачены корабельными цепями, будто держат друг друга за руки. У соборной стены на мраморном покрытии массивное гранитное надгробие — положенный трехгранник.

Здесь же, недалеко от замка курфюрстов, так называемый бункер Ляша, в настоящее время филиал Калининградского музея. Это место, где командующий Кенигсбергской группой войск генерал Ляш подписал акт о капитуляции. Бункер глубоко под землей, из железобетона, со множеством комнатушек — камер, подобно аммонитному складу на угольных шахтах. Всего десять копеек за вход, но только стоит остановиться у стены бункера и прислушаться — тысячи звуков откруются тебе, будто стены бережливо хранят их. Это и лязг железных дверей, это и четкий торопливый перестук кованых сапог, это и хриплые выкрики в телефонную трубку о присылке войск и катастрофическом положении горящего города, это и удары о стены металлических ящиков с секретными бумагами, которые в последний момент пытаются скрыть гитлеровцы... Но всего явственнее дрожь земли от разрывов снарядов...

Ужас, сколько вынесла эта земля во время господства хищного и бездарного прусского воинства! Сколько раз отсюда начиналась война и здесь кончалась. Должно быть, как благодарна теперь она, что наконец ее сделали мирной землей.

Именно с этой мыслью выходишь из Ляшевского бункера и видишь напротив него светлое современное здание Калининградского университета.

Интересны скульптурные памятники. Как известно, национал-социалистические вожди испытывали к ним особенно притягательные чувства, надеясь прочно увековечить себя во множестве каменных статуй. Советские воины достойно расправились с этими «памятниками». Потому в Калининграде много старых постаментов. Сначала я не обратил на них внимания и поразился, увидев у набережной, возле еще сохранившихся остатков стен курфюрстского замка памятник Суворову. Если судить по постаменту, то сооружение старое. Откуда столь терпеливое отношение «гениальных вождей нового порядка» к действительно гениальному русскому полководцу? Галина Ивановна объяснила, что на этом постаменте когда-то красовался на коне и с копьём знаменитый Бисмарк, которого в сорок пятом году солдаты свергли оттуда, набросив веревку, и на его место поставили Суворова.

И еще один интересный памятник. Это памятник Шиллеру. В 1945 году неизвестный советский солдат нацарапал штыком на его постаменте: «Не трогать! Произведение искусства!».

Есть и новые памятники. Их много. Это памятники солдатам, погибшим при взятии Кенигсберга. Они потрясающи. Остановишься перед таким среди уцелевших старых зданий и читаешь: «На этом месте такого-то числа такого-то года рядовой такой-то более двух часов сдерживал атаки гитлеровцев. Когда кончились патроны, подпустил врага вплотную и бросил в ноги гранату». Это было вот здесь, где ты сейчас стоишь, в окружении вот этих же домов, рядом с брусчатой мостовой! Честное слово, содрогается сердце...

Много памятников. Они просты и замечательны. Например, памятник на территории калининградского зоопарка. Этот зоопарк — известнейший в Европе. И вот во время боев рота под командованием лейтенанта, чтоб спасти зоопарк, ценой многих жизней заняла мост, преградив врагу путь к отступлению. Этот мост всего десять метров в длину, не мост, а мостик, но насколько он оказался важным! Более двухсот гитлеровцев, оборонявших зоопарк, вынуждены были сдаться без боя.

— Да, это совершенно точно, — сказала Галина Ивановна, — наши бойцы сохранили для нас это калининградское чудо. Многие из этих бойцов сейчас живут в Калининграде... Я встречалась с ними...

Я смотрел на памятник — небольшой холм под вековыми дубами — и думал о калининградцах.

Мне понравились эти люди. Несмотря на то, что население Калининграда сборное, поражаешься вежливости горожан, их воспитанности. Должно быть, свято действует на людей земля, за которую пролито море крови. За все время пребывания в Калининграде я не встретил ни одного пьяного и не слышал ни одного бранного слова. Это настолько бросается в глаза, что поначалу даже не веришь, и в буквальном смысле начинаешь выискивать признаки порочащие,

но если их нет, — то нет. Сами калининградцы скромно считают, что добились этого исключительно за счет обильной торговли пивом. Не знаю, хотя надо отметить: в Калининграде необычно много пива, и оно на редкость великолепно.

Теперь несколько слов о промышленности области, а то можно подумать, что мы только и любовались красотами природы.

Промышленность достаточно развитая — судостроение, машиностроение: производство вагонов-думпкаров, автопогрузчиков и прочее. Все это на базе старых восстановленных заводов. Однако промышленной гордостью калининградцев является морской порт. Это величественное пристанище морских промысловых судов: рыбаки Калининграда добывают, как мне сказали, двенадцать процентов всего союзного улова рыбы. Самая любимая, почетная и распространенная форма одежды в городе — флотская, любимое угощение — рыба.

На втором месте — я опять же имею в виду не значение, а любовь населения, привязанность к роду деятельности — это, совершенно неожиданно, горнодобывающая и перерабатывающая. Дело в том, что в Калининграде распространена особая «болезнь» — янтарная. Почти каждая женщина и девушка считают, что янтарный кулон или подвеска, янтарное ожерелье и клипсы, просто янтарная брошь являются в женском ансамбле такой же необходимостью, как, скажем, прическа. Потому в Калининграде самые большие очереди в магазинах, где продают изделия из янтаря. И толпятся за янтарем исключительно калининградцы: у них завидное на этот счет терпение.

Тут следует немного отвлечься и заметить, что янтарь, без сомнения, заслуживает того, чтобы к нему питали повышенную любовь. Камень этот удивительной чистоты, ясности и волшебного свечения. Как его только в мире ни называют! В России: морской ладан, алатырь, певучий и солнечный камень, смола веков; немцы называют янтарь — горючим камнем, греки — электроном, прибалты — дзинтаре. (Вспомните — Дзинтари под Ригой). Что-то ласковое во всех этих звуках, старинное. Недаром еще в глубокой древности римский император Нерон за фигурку из янтаря отдавал двух рослых рабов. Да и сейчас ценность янтаря велика.

Хочется рассказать одну историю. Речь пойдет о пропаже знаменитой янтарной комнаты Екатерининского музея-дворца.

Янтарная комната — подарок одного европейского государя Петру Первому за победу под Полтавой. Так сказать, задабривание всемогущего российского царя. Первоначально комната размещалась в Зимнем дворце. Но позднее честолюбивая императрица Елизавета перевезла ее к себе в новый построенный за городом дворец, впоследствии названный Екатерининским, и повелела собрать комнату заново. Работали над этим многие известные художники и архитекторы, в том числе Растрелли. Вновь отделанная комната стала гордостью мирового прикладного искусства. Фашистские хищники варварски разграбили дворец во время войны.

В Калининграде мы очень много говорили об янтаре и много чи-

тали. В последний день моей командировки Галина Ивановна свозила меня в поселок Янтарный, где на берегу Балтийского моря добывают янтарь. Я окунулся в привычную среду горнорабочих.

В карьере рычали экскаваторы. Шипели струи воды, вылетающие из соплов гидромониторов, гудели насосы, качающие пульпу на фабрику. Один из экскаваторов украшен красным флажком. Сопровождающий нас начальник горного участка рассказал, что экипаж этого экскаватора трое суток бесменно перегонял тяжелую машину по хлюпкому дну карьера из одного забоя в другой и успешно справился с делом. Сейчас это на вскрышных работах передовой экипаж.

Я подумал: «Вот оно, московское время. Вся наша страна живет одним настроением».

Мы проследили за всей цепочкой добычи янтаря. Солнечный камень содержится на 10—12-метровой глубине в слое «голубой земли». У нас в Сибири такую землю называют грубее — «голубой глиной». Размытая земля в виде пульпы доставляется на фабрику, где янтарь отделяется и сортируется. После поступает в цеха обработки. Здесь настоящее предприятие прикладного искусства. Оно выпускает готовые изделия из янтаря как серийного производства, так и уникальные. В среду — экскурсионный день, можно побывать в янтарном музее, где собраны, не побоюсь сказать, мировые шедевры. Мы возвращаемся из Янтарного радостные и немного грустные. Радостные, потому что были полны каким-то особым творческим энтузиазмом работников янтарного комбината, красотой их работы. А грустные, потому что время командировки истекало.

Солдатское поле

I

У каждого человека есть свое заповедное место на земле. А у бывшего солдата — их по меньшей мере два: не только дом, где родился и рос, где протекали детство и юность, но еще и тот рубеж, где стоял когда-то насмерть, принял свой первый бой, где пролил за родину кровь.

Понять это помог мне бывший батальонный политрук Евстафий Абрамович Зарюта, хоть и не сразу это дошло до меня...

Поначалу показалось мне даже обидным, что Зарюта не отзывается на мои вопросы, а молча шагает и шагает вперед, вглядываясь куда-то вдаль сквозь зыбкое марево, нависшее над нескончаемой Придонской степью. Яростно жарит августовское солнце, и укрыться от него некуда. Крутом, сколько хватает глаз, — пустое, неродимое поле под высоким куполом полинявшего неба. Воды бы напиться! Да где ее тут возьмешь...

А Зарюта — высокий, худой, неутомимый — уходит все дальше и дальше, не оборачиваясь, не откликаясь, то и дело сердито смахивая что-то с глаз кулаком...

И тут меня озарило! Да не нужны ему сейчас никакие спутники, никакие журналисты со своими интервью, — а только одно это Поле, на котором в такой же вот палящий августовский день сорок второго бились кузбассовцы, бился его батальон, вся 303-я стрелковая дивизия сибиряков за город Воронеж!

И я остаюсь посреди степи, гляжу вслед удаляющемуся по ней человеку и еще долго вижу освещаемую солнцем его ковыльно-белую, седую голову.

А на другой день Зарюта смущенно рассказывал:

— Сам не знаю, как это получилось... И впрямь будто оглох и ослеп... Для вас это поле — мертвое, тихое, пустое. А мне оно гремело и грохотало на все голоса войны... Шел, как в тумане, ничего не видя и не слыша, пока не уперся в какую-то родину. Тут опомнился... Звонки, колеса постукивают. Трамвай! Это я аж до самого Воронежа отмахал! Километров двадцать будет...

После не один километр исходила наша экспедиция вместе с Зарютой под Воронежем и Харьковом, Кировоградом и Люботином, Верхнеднепровском и Кишиневом. Следуя маршрутам из журналов боевых действий 303-й дивизии, мы побывали во многих селениях Центральной России, Украины, Молдавии. Искали и находили имена павших в боях сибиряков, священные их могилы. Изучали документы военных лет, заботливо собранные местными краеведами, встречались с участниками боев и жителями освобожденных сибиряками городов и сел, возрожденных теперь из пепла, обновленных чудотворными руками народа. И вместе с чувством радости за все, что сделано на нашей земле после войны, в душу навсегда запало Солдатское поле, его скорбное молчание и величавый покой, его заросшие луговым донником и кустиками малины противотанковые рвы, пустые глазницы воронок, безмянные холмики и гранитные обелиски. И еще запомнились те места под Воронежем, где земля будто закована в коричнево-бурый бесплодный панцирь. Трава — не трава, мох — не мох, — хрустит и трещит под ногами, рассыпается в едкую пыль. Ткнешь слегка носком ботинка в эту броню, и ползут из-под нее осколки снарядов, куски ржавого металла, изъеденные временем патронные гильзы, железные перья минных стабилизаторов... Сотня, а то и больше таких вот «сувениров» войны придется на каждый квадратный метр здешней земли. Это уж со строгой дотошностью подсчитали и вымерили члены нашей экспедиции — работники кемеровского музея.

II

С первых же дней Великой Отечественной войны трехсоттысячный город-труженик стал городом-воином. Промышленность полностью перешла на выпуск военной продукции. Рабочие, ученые, писатели, домохозяйки вставали в ряды народного ополчения. Коммунисты и комсомольцы создали Воронежский добровольческий коммунистический полк.

Город, готовящий отпор наступающему врагу, преобразился. Сады и парки изрезали щели и окопы. В нижних этажах домов прорубались бойницы, на улицах возводились баррикады...

Второе военное лето стало для города летом тяжелых испытаний. В конце июня 1942 года немцы прорвали фронт и захватили большую часть донского Правобережья. Начались бои в самом городе. Сражалась каждая улица, каждый дом.

Со взятием Воронежа гитлеровское командование связывало планы дальнейшего наступления своих войск на Волгу и на Кавказ. Но этот расчет потерпел крах. Войска образованного в июле сорок второго года Воронежского фронта, в составе которого находилась 303-я стрелковая дивизия сибиряков, не дали немцам двинуться отсюда на юг России ни на шаг.

Фронт встал железным заслоном, прочно и надолго сковал на этом участке огромные силы немецко-фашистских войск — группы

армий «Север» и «Центр». Сковал не на одну-две недели, а на сто восемьдесят дней, удерживая здесь резервы, так необходимые гитлеровцам под Сталинградом и на Кавказском направлении.

Недавно в одном из обвалившихся блиндажей у Лысой горы воронежские следопыты нашли старую военную карту с пометками, сделанными рукой неизвестного командира.

Когда-то с этой горы можно обозреть окрестности, увидеть задымленный город, траншеи, прорезавшие степь. Теперь же гора сплошь поросла деревьями и кустарником, и нелегко здесь сейчас ориентироваться нашим спутникам — бывшему командиру полка Максиму Кононовичу Губанову и Евстафию Абрамовичу Зарюте.

На карте кружками обведены главные точки, где вела бои дивизия сибиряков: роща «Сердце», Ботанический сад, сельхозинститут, учебное хозяйство, кирпичный завод, аэропорт, песчаный карьер, роща «Фигурная»... Они расположены по обеим сторонам Задонского шоссе — важной магистрали, которой гитлеровцы безуспешно пытались завладеть.

Широкой асфальтовой лентой пролегло шоссе от Воронежа через Задонск, Елец, Тулу, Серпухов, Подольск — к самой Москве. Сейчас по нему непрерывной вереницей тянутся маршрутные автобусы и такси, транспорты с товарами, строительными материалами, снуют вездеходные райкомовские газики и колхозные грузовики. И вряд ли люди, погруженные в свои заботы, думают о том, что в нескольких шагах от бетонной обочины когда-то проходили траншеи переднего края.

Насколько позволяют сжатые сроки экспедиции, мы стараемся обойти наиболее важные места полугодовой обороны сибирских полков. Максим Кононович Губанов, ныне житель Воронежа, признается, что не был в этих местах уже много лет. Но приехали однополчане, всколыхнули память, взяли за сердце. И вот он рассказывает нам о первых боях и первых героях.

Почти к самому Задонскому шоссе подступают теперь молодые посадки Ботанического сада. Здесь никаких следов проходивших когда-то кровопролитных сражений. Добрые руки тружеников разровняли воронки, засыпали окопы, разгладили шрамы земли, залечили ее раны и насадили новые рощи взамен тех, что были срезаны под корень войной. Но именно здесь, в этих новых посадках, находится место, где парторг 7-й роты 849-го стрелкового полка Михаил Абызов совершил свой подвиг.

— Да, это было здесь, — подтверждает и Евстафий Абрамович Зарюта, — седьмая рота наступала на северную окраину города...

В Москве в Советском комитете ветеранов войны есть альбом, на обложке которого написано кратко: «Матросовцы». Этого слова достаточно, чтобы каждый представил себе подвиг, не виданный ни одной войной, — акт величайшего самопожертвования советских воинов ради спасения товарищей, ради выполнения воинской задачи и долга.

Сколько же было Матросовых? Кто они, эти солдаты, символи-

— Да, это было здесь, — подтверждает и Евстафий Абрамович Зарюта...

зирующие массовый героизм советского народа в Великой Отечественной войне?

Уже много лет специальная комиссия по увековечиванию памяти воинов, закрывших собой амбразуры вражеских дзотов, занимается этими поисками — изо дня в день, из года в год. Кропотливая, упорная, требующая огромного терпения и любви к памяти павшим работа. Среди матросовцев — имена и четырех наших земляков — кузбассовцев. Трое известны нам по книге «Достоин звания Героя...», изданной в Кемерове, — это Иван Герасименко, Александр Красилов и Леонтий Черемнов,

закрывшие собой в один день и час амбразуры дзотов в январе 1942 года под Новгородом, на Волховском фронте.

О четвертом сказано немного: «Абызов, старшина. Закрыв амбразуру в июле 1942 года под городом Воронежем».

В зале Воронежского музея, посвященном героям битвы за город, мы увидели портрет солдата с такой подписью: «Парторг 7-й роты 849-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии старшина Абызов Михаил Петрович. Закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота 19 июля 1942 года. Посмертно награжден орденом Красного Знамени».

Мы попросили к этой подписи добавить несколько слов: «Уроженец деревни Березово Кемеровского района, Кемеровской области».

И вот что рассказал нам о подвиге Абызова бывший командир полка Максим Кононович Губанов:

— Нашему 849-му стрелковому полку была поставлена задача атаковать врага со стороны ипподрома, к которому примыкала север-

ная окраина Воронежа с Ботаническим садом. Одной из первых пошла в наступление седьмая рота. В момент, когда атака должна была вот-вот принести победу, роту внезапно обстреляли из хорошо замаскированного дзота. Солдаты, неся большие потери, залегли. Нужно было заставить вражеский дзот замолчать. И тогда парторг Михаил Абызов взял гранату, пополз к дзоту. Немцы заметили Абызова. Им удалось ранить старшину, но Абызов не останавливался. Оставляя на земле след крови, он продолжал ползти вперед. Еще несколько шагов — и будет зона, недоступная немецким пулеметчикам.

Достигнув цели, старшина приподнялся, метнул в сторону амбразуры гранату. Но пулемет продолжал стрелять. Абызов придвинулся к дзоту еще ближе и почти в упор разрядил в амбразуру весь диск автомата. Пулемет замолк. И в ту же секунду рота, следившая за поединком своего старшины с врагом, поднялась в атаку. Но в это время из дзота снова открыли огонь. Как подкошенные упали солдаты первого ряда. Абызов уже ничем не мог помочь товарищам. Не было патронов, гранат. И тогда он решился. Раненый, опираясь руками о стенку дзота, он встал во весь рост и, собрав последние силы, кинулся на амбразуру.

Все это совершилось на глазах у бойцов роты. Еще раз поднялись они в атаку. И врагу не было пощады... Скажу еще одно. Солдаты седьмой роты, когда приходилось — умирали, но ни разу не отступали...

Сейчас именем М. П. Абызова названа одна из улиц Воронежа. Есть улица имени земляка-героя и в Кемерове.

Мы идем к Лысой горе, где нашли упомянутую выше карту. Когда-то здесь были раскинута палатки медсанчасти дивизии. Наша спутница бывший санинструктор Мария Федоровна Павлова на северном склоне горы отыскала свой блиндажик, указала место расположения разведроты дивизии и санчасти 849-го полка.

— Здесь, перед боем, — сказала она, — меня принимали в партию.

Памятны эти места и Евстафию Абрамовичу Зарюте. Он рассказывает о том, как перед боем от солдат поступали массовые заявления о приеме в партию. И было в этих заявлениях по большей части всего несколько слов: «Хочу идти в бой коммунистом».

В густых зарослях ольхи, черемухи, орешника нет-нет да и наткнешься на воронку от снаряда, на полузасыпанные ходы сообщений.

Еще до сих пор находят следопыты на прежних местах боев патрончики с адресами, записки, солдатские котелки, каски, ремни. В роще «Фигурной» был найден винтовочный патрон с вложенной в него запиской: «Умираем, но не сдаемся. Осталось три человека — Остапчук, Снигирев, Кривошеин». В районе аэропорта обнаружена стреляная гильза с запиской: «Отомстите за нас. Было 16 человек. Литовчев Н. Е. Патроны кончились. Осталось три человека. Костя тяжело ранен. Скоро умрет. Все! За нас отомстите».

В историческом формуляре дивизии нам попался листок, на котором под словом «Клятва» было помещено два четверостишия без подписи:

Клянусь: назад ни шагу!
Скорей я мертвый сам
На эту землю лягу,
Чем эту землю сдам.
Клянусь, мы будем квиты
С врагом. Даю обет, —
Что кровью будут смыты
Следы его побед...

Так стихи Иосифа Уткина, написанные им в том же сорок втором, были приняты сибиряками, как их личная воинская клятва. Поэтому что лучше, сильнее и с большей проникновенностью невозможно было выразить всего того, к чему они были готовы каждый час, каждую минуту на своем смертном рубеже.

И о тех, кто стоял за родную землю по священным законам народной войны, сама земля рассказывает теперь, постепенно отдавая свои тайны.

Там, где была найдена гильза с запиской, как выяснилось, вел бои 845-й стрелковый полк, которым командовал майор Василий Васильевич Быков (живет сейчас в Красноярске). Этот участок подвергался особо сильному обстрелу артиллерии и налетам немецкой авиации. Бывали дни, когда над полком нависало до 140 немецких самолетов.

Василий Васильевич вспоминает один эпизод. Командир 1-го стрелкового батальона старший лейтенант Исаков, заметив замаскированное немецкое орудие, которое не давало продвинуться его батарее, приказал третьей стрелковой роте вести ураганный огонь по орудию. Сам же в это время ползком, с гранатой стал подбираться к пушке. Одним броском гранаты Исаков уничтожил всю прислугу орудия. После этого старший лейтенант подбежал к немецкой пушке, повернул ее дулом на врага и вел из нее огонь по флангам контратакующих немцев, пока те не отступили.

В Воронежском музее мы видели клочок бумаги с едва заметными строчками: «Нас осталось только семеро из 80 солдат. Фашисты лезут напролом, готовятся к атаке. Но мы будем биться до последнего патрона. Алексей Фомичев, лейтенант. 17 августа 1942 г.»

Под фамилией лейтенанта сделана приписка, но уже другим подчерком: «Погибаем под Воронежем, в селе Подгорном». И подписи, которые расшифровать не удалось. Свое последнее письмо солдаты положили в патрон от автомата и зарыли в землю. Они были уверены, что недолго ходить по ней врагу. И если не через год, так через десять, двадцать лет, но дойдет до родных людей их последнее слово. Они в это верили, и потому стояли насмерть.

В дни первых боев за Воронеж кемеровские рабочие получили письмо, в котором бойцы рассказывали о том, как воюет комсомолец, бывший рабочий Михаил Сакунов. Привожу это письмо полностью:

«Здравствуйте, дорогие товарищи, примите от нас, фронтовиков, горячий армейский привет! Трудные дни переживает наша родина. Немцы поработители хотят, чтобы мы стали на колени и попросили пощады. Враг не услышит нашей мольбы. Не за тем мы взяли оружие в руки, чтобы сложить его. Да, мы сложим его, но тогда, когда будет истреблен последний гитлеровец, пробравшийся в нашу свободную страну для грабежей, насилий и убийств и насаждения рабства. В этом письме мы хотим написать о самоотверженном поступке воспитанника вашего завода Сакунова Михаила. Вы можете гордиться им.

Командир вызвал Сакунова и приказал: «Надо срочно доставить боеприпасы на передовую». Повторив приказание, Сакунов сейчас же отправился выполнять его. Сакунов находился в пути, как вдруг немцы открыли сильный огонь из шестиствольного миномета (который мы называем «сопливым Гансом»). Один осколок попал в бутылку с горючей смесью. Пламя стало охватывать весь груз. Кругом рвались мины, визжали осколки. Нужна была решимость, чтобы предотвратить взрыв. И эта решимость у Сакунова нашлась. Он не растерялся, не бросился наутек. Он снял с повозки горящий ящик и засыпал его песком. Сакунов уберег свой смертоносный груз для фашистов и доставил его по назначению.

Мы призываем вас, товарищи рабочие, к более усиленной работе для фронта. Помогайте скорее разгромить лютого врага.

Группа фронтовиков: Силантьев, Андреев, Мацыгин, Якубович».

К сожалению, о дальнейшей судьбе Михаила Сакунова ничего узнать не удалось.

Мы ходим по огромной территории сельскохозяйственного института и его учебного хозяйства. Время от времени нам попадаются памятники, скромные обелиски. Они безымянные. И только по немногим документам да по воспоминаниям ветеранов можно определить, какая часть, какое подразделение здесь сражались. Но вот в тени деревьев — обнесенная оградкой небольшая могила. На гранитной пирамидке — мраморная доска с именами павших. Мы записываем эти имена в свои блокноты в надежде, что после обнародования найдутся родные, близкие, однополчане этих воинов: Коновалов А. Т., лейтенант; Бесчестный Н. П., лейтенант; Кузин М. М., мл. воентехник; Митязов М. С., мл. лейтенант; Коцемба Н. Г., мл. политрук; Кириллов Ф. Г., лейтенант; Агеев В. А., мл. лейтенант; Глазарев В. П., гв. мл. сержант; Гришаев А. В., лейтенант; Марков М. А., гв. сержант; Морозов, мл. сержант; Большаков И. В. сержант; Елецкий П. Д., рядовой.

Они погибли в июле, августе и сентябре 1942 года.

III

Иной раз случайно сказанное слово, названное имя, фамилия дают людям возможность узнать подробности о судьбе своих близких. В одной из радиопередач мы упомянули имя комсомолки Ани

Максимовой из города Топки, погибшей под Воронежем. На другой день из радиокомитета сообщили, что членов экспедиции разыскивает работница кемеровского госбанка Валентина Куприяновна Клепицкая. Оказалось, что Аня — ее названная сестра.

— В нашей семье, — рассказала Валентина Куприяновна, — было девять детей. Отец работал на железной дороге, мать — прачкой. Родители Ани Максимовой были нашими соседями. Когда она осталась круглой сиротой, мы взяли ее к себе. Так стало нас десять ребят. Прошло пять лет. Началась война, и наша названная сестричка вместе с моей родной сестрой Аней ушла добровольцем в 303-ю дивизию, которая формировалась в Кузбассе. А через несколько месяцев, почти в одно время, мы получили извещение, что Аня Максимова и Аня Клепицкая погибли под Воронежем. Больше мы ничего о наших сестрах не знали, пока не услышали передачу по радио. Из Топок мы давно уехали, с однополчанами наших сестер не встречались. Быть может, теперь кто-нибудь откликнется...

Выполняя просьбу Валентины Куприяновны, мы начали поиски. И кое-что сделать удалось. В Топках живет бывшая фронтовичка Мария Ивановна Томалева (Совакова). Оказывается, она была в одном 849-м полку с Аней Максимовой и Аней Клепицкой. Она и рассказала нам о девушках. Аня Максимова — маленькая, живая, веселая, — удивляла даже бывалых солдат своим бесстрашием, выносливостью. Десятки раненых воинов вместе с оружием вынесла она во время боев. Командованием полка была представлена к правительственной награде. Но получила Аня награду или нет, Мария Ивановна не знает. Во время одного из боев Аня Максимова была убита прямым попаданием снаряда. На руках у Томалевой умерла от ран и Аня Клепицкая. Последними ее словами были: «Передай привет всем моим родным. Жаль, что Люба так и не будет меня знать...»

В то время самой младшей из ее сестер — Любе было всего два года.

Девушки похоронены в одной братской могиле, в районе учебного хозяйства Воронежского сельскохозяйственного института.

С помощью участника экспедиции Марии Федоровны Павловой удалось найти старую фронтовую газету за 23 февраля 1943 года, в которой опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении старшего сержанта Максимовой Анны Ивановны «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество — орденом Ленина».

В Воронеже пришел повидаться с однополчанами бывший командир отделения связи 847-го стрелкового полка Иван Платонович Соловьев. До поздней ночи проговорили ветераны, вспоминая фронтовых друзей. Тогда и передал нам Иван Платонович воспоминания медсестры полка Анастасии Сергеевны Поликарповой о том, как погибла ее подруга — учительница из города Белова комсомолка Мария Александровна Красильникова.

«Было это 8 августа 1942 года, — вспоминает А. С. Поликарпо-

ва, — недалеко от роши «Сердце». Рано утром разгорелся бой. Мы — медсестры — были рядом с бойцами, чтобы немедленно оказать раненым помощь. Метрах в ста пятидесяти от меня, укрывшись в воронке от снаряда, Маша Красильникова перевязывала раненого. Вдруг я увидела, как немецкий танк движется прямо к тому месту. Страшная минута! Маша Красильникова выскочила из воронки с противотанковой гранатой в руке и пошла навстречу стальной громадине. Еще мгновение, и моя подруга бросилась под гусеницы танка. Раздался взрыв. Окутанный дымом, завертелся на месте фашистский танк... Враг не прорвал нашу оборону. Маша Красильникова была посмертно награждена орденом Красной Звезды».

После того, как рассказ о подвиге Маши Красильниковой был опубликован в газете «Комсомолец Кузбасса», участники экспедиции получили сообщение о том, что студенты 3-го курса Беловского педагогического училища решили в память Маши создать музей боевой славы. Они принялись за розыски ее однополчан, родных, стали собирать фотографии, документы, воспоминания воинов-сибиряков.

IV

Сибирские девчата! Самые светлые страницы вписали они в истории воинских соединений. С любовью, нежностью, восхищением вспоминают о них теперь седые ветераны, славя их самоотверженность, доброту, мужество, отвагу.

«В дни Великой Отечественной войны, — рассказывает полковник медицинской службы Михаил Николаевич Миронов, — я был старшим врачом 845-го стрелкового полка 303-й стрелковой дивизии с первых дней ее формирования и до последнего дня войны. Мне пришлось формировать медслужбу полка, отбирать для него в качестве санитаров и санинструкторов ваших кемеровских девчат, обучать их трудному и опасному делу фронтовых медсестер. Правда, вначале мы в качестве санитаров подбирали молодых и крепких парней. Но затем был получен приказ заменить их девушками. Из военкомата в полк прибыло 120 девушек-добровольцев. Среди них были работницы заводов, учительницы, юристы, инженеры. Все они были очень и очень молоды. Среди них выделялась молодая женщина с длинной светлой косой — Нина Кобас. Ее муж, офицер, погиб в первые дни войны, и она, оставив на попечение матери двухлетнего сына, пошла в армию.

Энтузиазм молодых сибирячек был поразительный. Мы очень строго подходили к отправке на фронт. Учитывая семейное положение и другие обстоятельства, многих убеждали вернуться домой. Но они были непоколебимы в своем решении.

Получив приказ, я вначале, признаться, приуныл. Что, думаю, буду с ними делать, как обеспечивать бой? Ведь они же с первого выстрела расплачутся и станут звать маму! Но как я раскисался в этом, когда мы прибыли на фронт, да и еще раньше, во время обучения в Кемерове. Зимой в тридцатиградусные морозы учил я их пе-

реползать большие расстояния, оказывать помощь раненым, оттаскивать их в укрытие. И знали бы вы, с каким упорством они это делали! С занятий приходили мокрые, измученные и, как подкошенные, валились на койки. А назавтра то же самое, и так до момента вступления в бой под Воронежем в июле 1942 года. Наши девушки показали столько отваги и выдержки, что, беру смелость утверждать, нередко превосходили в этом мужчин. С ними я прошел всю войну. Многие из них отдали жизнь за Родину, многие получили ранения и выбыли из строя.

Вспоминаются мне и такие случаи, когда девушки старались пронять меня слезами, только чтобы я пустил их в поиск раненых на передний край. Было такое, знаете ли, хорошее соперничество — каждая старалась как можно ближе подползти к немецким окопам и вытащить раненого из-под носа у немцев. Я лично ходил с ними в такие поиски и очень хорошо помню, что самой отчаянной в таких делах была Тася Жинжилова, бывший мастер производственного обучения. У нее проявились и прекрасные организаторские качества. И когда потребовалось в санроте заменить старшину-мужчину, я назначил ее. С этой нелегкой, чисто мужской работой она справлялась прекрасно.

Награждение орденами и медалями в первые годы войны было явлением не частым. И вот в этот-то период в нашем полку появились первые шесть человек, получившие медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». И четверо из них были девушки из Кузбасса: Тася Жинжилова, Ольга Михайленко, Вера Шатилина, Аня Макеева.

А сколько было случаев, когда девушки своим примером увлекали бойцов в наступление, шли на танки, спасали солдат и офицеров ценою своих жизней, прикрыв их собой. На всю жизнь остался в моей памяти подвиг маленькой санитарочки...

Наш участок в районе аэропорта подвергался жестокому обстрелу. Здесь располагался КП полка, а впереди находились батальоны, занимавшие оборону. 12 сентября, после небольшого затишья, немцы предприняли на этом участке новое наступление. Атаке противника предшествовала чрезвычайно сильная артподготовка. Без преувеличения можно сказать, что на каждый квадратный метр падало три-четыре мины или авиабомбы. Многих товарищей мы тогда недосчитались. В этом бою в первый раз был ранен и я... Когда пехота противника под прикрытием танков вслед за огненным валом приблизилась к позиции 2-го батальона, в третьей роте не осталось в живых ни одного офицера. Бойцы в замешательстве стали выскакивать из окопов и отходить к роще «Сердце». Выскочила из окопа и санитарка роты Аня Беспалова. Только она побежала не назад, а вперед, ругательски ругая солдат за то, что они «паршивого немца испугались».

— Куда вы! За мной! — кричала Аня.

Маленькая, безоружная, с санитарной сумкой через плечо, она бежала навстречу танкам. И солдаты повернули за ней. Атака была отбита, но Аня не вернулась. Прямое попадание мины... Надо было

выполнить нелегкую обязанность командира — сообщить родным. Но девочки сказали — писать некому, она сирота, воспитывалась в детском доме».

Память Ани Беспаловой увековечена в названии одной из улиц г. Воронежа.

Среди наших спутниц две однополчанки — Татьяна Сергеевна Алексеева и Александра Дмитриевна Лапкина. Одна из них работает сейчас библиотекарем, другая — продавцом в книжном магазине. Каждой из них далеко за сорок, а в глазах — молодой, задорный блеск девятнадцатилетних девчонок, какими пришли они четверть века назад вот в эти рощи, в эти степи. Каждый шаг им тут памятен, каждый клочок земли им дорог. Идут, вспоминают, перебивая друг друга. То вдруг смехом раскатятся, а то расплачутся навзрыд...

— Помнишь, Танюша, — обращается к подруге Александра Дмитриевна, — помнишь, какую мы клятву давали? Держать святую дисциплину, ни в чем никогда и нигде не уронить имя комсомолки-сибирячки? Вот такими мы пришли на фронт, — показывает она нам выцветшую фотографию военных лет. — Вот эти выгоревшие на солнце пилотки, пропитанные потом, просоленные гимнастерки, парусиновые ремни и обмотки украшали нашу фронтовую молодость. Что и говорить, страху мы натерпелись немало, только никто этого не видел и не знал. Мы желали, как в песне поется, «если смерти, то

Память Ани Беспаловой увековечена в названии одной из улиц г. Воронежа.

мгновенной», а если раны, то ни в коем случае не в ноги,—как же мы после войны на танцы будем бегать! И не в лицо, чтобы боже упаси!..

И такие вот девчонки, мечтавшие поскорее вместо солдатских башмаков «сорок последнего» размера надеть туфельки на высоком каблучке да хорошенькое платьице и сбегать на танцы,—эти девчонки шли под пулями за глотком воды для раненого солдата, и вытаскивали его из огня, а после боя, как вспоминает Татьяна Сергеевна Алексеева,—«в маленькую передышку, под солдатский фронтовой баян запеть любимую песню и радоваться, что вслед за тобой подтянет эту песню один, потом другой, а там и все твои товарищи, и на душе станет весело, уверенно и гордо от того, что ты нужна этим до предела уставшим солдатам, героям только что закончившегося боя...».

V

Один из пунктов нашей экспедиции—город Люботин. Там мы хотим найти могилу снайпера 303-й стрелковой дивизии, кузбассовца, Героя Советского Союза Ивана Филипповича Абдулова.

Все три брата Абдуловых—Федор, Кирилл и Иван—родились и выросли в деревне Шумиха Кемеровского района. Они были еще подростками, когда умер отец, и рано стали работать в колхозе. В начале Великой Отечественной войны первым ушел на фронт старший брат Федор. Вскоре жена его Елена Тимофеевна, и ныне проживающая в Шумихе, получила извещение, что муж пропал без вести.

Иван и Кирилл вступили добровольцами в 303-ю стрелковую дивизию. На фронте братья прославились как отличные снайперы. Особенно Иван. Их имена постоянно встречаются в историческом формуляре соединения:

«11 октября 1942 года. Снайперский счет врагу: Абдулов И.—53, Абдулов К.—8...»

18 ноября 1942 года. Счет мести: Абдулов Иван—85...».

«На 1 октября 1942 года. Абдулов Иван—127 гитлеровцев, Абдулов Кирилл—40...»

28 сентября 1942 года состоялся слет снайперов 60-й армии Воронежского фронта, на котором Иван Абдулов выступил с рассказом о своем опыте. Он был комсомольским агитатором, членом комсомольского бюро полка. Фронтовая газета писала: «Наша гордость—ефрейтор Иван Абдулов, прославленный снайпер. На его боевом счету 352 уничтоженных гитлеровца. В одном из боев ефрейтор Абдулов вступил в единоборство с немецкими танками и противотанковыми гранатами подбил два танка. Кавалер ордена Красной Звезды».

В истории 849-го полка отмечается, что в январе 1943 года сержант Иван Абдулов подготовил несколько десятков снайперов—охотников за гитлеровцами. Вместе с братом Кириллом Иван Абдулов не раз направлялся в другие соединения фронта для передачи своего снайперского опыта.

Иван Вавилович Каркавин, командир третьей роты 849-го стрелкового полка, где служили братья Абдуловы, рассказывает:

«На место «охоты» прославленные снайперы выходили еще до свету, а возвращались темной ночью. И так каждый день. Какого это стоило напряжения сил, сколько требовало железной выдержки, убедился я сам. Братья Абдуловы самостоятельно выходили в поиск, но получали также специальные задания и от штаба полка. Помню, в декабре 1942 года разведчики второй роты нашего батальона заметили, что немцы пунктуально, в одно и то же время направляются за завтраком и обедом. Иван Абдулов решил понаблюдать. Пошел с ним и я. Заняли мы позицию на артиллерийском наблюдательном пункте. Вот и время завтрака прошло, а немцы не показывались. «Будем ждать до обеда», — сказал Иван. Дождались. Видим, как из траншеи вылез детина с котелком в руках и, чтобы срезать угол, пошел напрямую.

— 1500 метров, — быстро определил расстояние снайпер. — Стреляйте вы, товарищ старший лейтенант, — обратился он ко мне.

У меня был карабин, который я взял у артиллеристов. Поставил прицел и выстрелил. Немец взмахнул руками, потом схватился за колено и заковылял к траншее. Но тут же раздался выстрел Абдулова, немец упал и больше не поднялся. Абдулов дал мне знак не шевелиться. Так пролежали мы час. У меня онемели руки и ноги. Но двинуться, повернуться нельзя. Прошел еще час. Видим, из траншеи вылезли два немца. Они стали приближаться к убитому. Абдулов не двинул ни одним мускулом. Полный напряжения лежал и я. Но вот немцы потащили убитого и тогда подряд раздалось два выстрела Ивана Абдулова. И вот уже три немца легли навсегда. Но и после этого Абдулов снова застыл на месте. Час... другой... третий... Только когда наступила темная, непроглядная ночь, мы оставили позицию. Я подумал тогда: лучше сделать несколько километров перехода с полной выкладкой, чем вот так, занемев, почти не дыша, много часов подстерегать врага. Только сам испытал все это, я мог по-настоящему оценить каждодневный труд и подвиг снайпера».

Иван Абдулов погиб в боях за Люботин в марте 1943 года.

Небольшой городок как бы разделен глубоким, заросшим деревьями и кустарниками оврагом. По одну его сторону — Старый Люботин, по другую — Новый Люботин. Домики и улицы лепятся по склонам больших и малых горушек, и нашу машину, словно по волнам, качает на этих склонах то вверх, то вниз...

Наши спутники — ветераны дивизии Е. А. Зарюта и М. Ф. Павлова — вспоминают трагические дни марта 1943 года, когда немцы двинули на Харьков танковые части со стороны Полтавы. Первым на их пути оказался головной 849-й полк 303-й стрелковой дивизии. Полк к этому времени получил задание оседлать шоссе Харьков—Полтава и в начале марта вошел в Люботин.

Евстафий Абрамович Зарюта, выполнявший в то время должность командира роты связи, показывает нам дом на окраине города, откуда он тянул связь к штабу и наблюдательному пункту полка.

— Еще не подтянулись тылы, — рассказывает Зарюта, — как разведчики сообщили, что в 30 километрах от Люботина появилась колонна немецких танков. А вскоре подразделения полка приняли бой. К Люботину подошло до 160 немецких танков. Продержаться двое суток — таково было задание командования.

В истории полка есть строки, посвященные этому дню:

«...Полк вступил в ожесточенные кровопролитные бои с численно превосходящими силами противника. Ценою больших потерь противнику удалось потеснить подразделения полка и овладеть северо-западной окраиной станции Люботин. В ночь на 11 марта 1943 г. полк контрударом отбросил противника к исходному рубежу. А к полудню 11.3.43 противник, подтянув резервы, вновь завладел западной окраиной города Люботин...».

Почти пять суток принимали на себя сибиряки удары прорывавшихся к Харькову немцев. «За героизм, стойкость и мужество, — говорится в одном из документов, — Военный Совет Воронежского фронта объявил благодарность личному составу полка, оборонявшему Старый и Новый Люботин».

В небольшом логу Евстафий Абрамович просит шофера остановить машину.

— Здесь, — говорит он, — с ротой автоматчиков залег Иван Абдулов, прикрывая отход полка. Я со своим подразделением находился от роты Абдулова не более чем в двухстах метрах. Мы шли ему на подмогу. Не раз немцы откатывались от рубежа Абдулова. Он лично подбил гранатами три танка. На моих глазах его сразила пулеметная очередь.

В Люботине две братские могилы павших советских воинов. Одна у самого въезда в Старый Люботин у школы № 5, другая — в парке Нового Люботина. Могилы безымянные. В которой из них похоронен герой-сибиряк?

Беседовали мы со многими старожилками и выяснили, что в парке похоронены советские бойцы, умершие в госпиталях после августа 1943 года, а у школы — павшие в боях в марте 1943 года. Вполне возможно, что именно здесь и покоится прах Героя Советского Союза Ивана Филипповича Абдулова, уроженца Кемеровской области.

VI

В Харькове мы уточняем места, где следует побывать в связи с наступательными боями в августе 1943 года.

Документы тех дней рассказывают:

«...В ночь на 9 августа 849-й стрелковый полк перешел в наступление и, форсировав Северный Донец, занял плацдарм на правом берегу. К 13 августа полк овладел десятью населенными пунктами и районным центром Старый Салтов. Преследуя отступающего противника, полк форсировал реку Уду и овладел несколькими населенными пунктами. В селе Панская-Терновая полк был атакован пехотой

и танками немцев. Но воодушевленные победами советских войск на Орловско-Курской дуге, сибиряки опрокинули врага и продолжали наступление...

...В этих боях отличились пулеметчики и стрелки 1-го батальона капитана Спирина Петра Петровича, артиллеристы под командованием старшего лейтенанта Лайкова и лейтенанта Желобова, уничтожившие большое количество техники и живой силы врага.

...Утром 29 августа полк во взаимодействии с другими частями овладел селом Соколово».

Немцы упорно держались за это село. В его районе проходила железная дорога Харьков—Лозовая. Прежде чем отбить у немцев этот важный стратегический пункт, сибирякам пришлось преодолеть две усиленно обороняемые водные преграды — реки Уда и Мжа, отбить несколько сел.

Не один день шли бои на подступах к Соколово. Не раз немцы предпринимали контратаки, бросая в бой танки и авиацию.

На подступах к селу Соколово сражался 847-й стрелковый полк дивизии. Он перерезал железную дорогу на Первомайский.

Одновременно 845-й стрелковый полк наступал на Константиновку. Им были заняты станция Мохнач, разъезд Шурино и перерезана железная дорога Харьков—Лозовая.

Через пять месяцев после мартовских боев под Харьковом сибиряки вернулись сюда вместе с другими соединениями Воронежского фронта. 23 августа 1943 года войсками Степного фронта при активном содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов крупнейший политический, промышленный и культурный центр Украины город Харьков был навсегда освобожден от захватчиков.

Соединения Воронежского фронта получили приказ форсировать Днепр и приступить к освобождению Правобережной Украины.

...Наш путь лежит в Днепропетровскую область к городу Верхнеднепровску.

Фронтвики помнят его стоящим на берегу реки, откуда он с тридцатиметровой кручи глядел в воды Днепра. Город был важным стратегическим пунктом, как бы замыкавшим собой на Правобережье Днепра шоссейные трассы на Днепропетровск, Кременчуг, Черкассы, и Киев.

Овладеть Верхнеднепровском было нелегко. И недаром выполнение этой задачи поручалось проверенным в боях соединениям фронта — 303-й стрелковой дивизии сибиряков полковника Федоровского, 36-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Денисенко, 1008-му истребительному противотанковому полку подполковника Котенко, 523-му минометному полку подполковника Черенкова и другим. Всем им за взятие города были присвоены почетные наименования «Верхнеднепровских».

...Городок встретил нас глубокой тишиной украинской ночи. Мягко светят огоньки сквозь густую листву деревьев, тянет речной прохладой и яблоками.

Спать не хотелось, и мы пошли по темным улицам-аллеям к Днепру. Каких-нибудь пятьдесят метров — и мы у реки.

— Ничего не понимаю, — недоуменно разводит руками Зарюта. — Здесь должен быть берег, крутой, обрывистый берег...

А сейчас у самого, можно сказать, порога улицы катит свои волны Днепр. Стоит только наклониться — и днепровская вода в твоих ладонях...

Все объяснилось просто: Днепровское море, образованное водохранилищем Днепродзержинской ГЭС, поднялось вровень с берегами и подошло к самому городу. Под волнами моря остались селения, располагавшиеся в пойме реки, исчезли и два острова — Мурсин и Пушкаревский, служившие сибирякам укрытием в момент форсирования Днепра.

В нескольких километрах от Верхнеднепровска поднялись корпуса самого крупного в Европе комбината по переработке кукурузы. Вот здесь-то, у подножия комбината, и сохранились еще места, где сибиряки в октябре сорок третьего ступили с левого берега Днепра на правый и заняли свой плацдарм. Здесь и нашел Зарюта место, где их батальон наводил переправу, напомнил, какие подразделения и где занимали рубежи. Еще стоят развалины каменоломни, которую штурмом взял стрелковый батальон капитана Петра Петровича Спирина. Батальон был контратакован восемнадцатью танками противника, но сибиряки, не выходя из боя, удерживали этот плацдарм на правом берегу Днепра в течение девяти суток. Многих бойцов и командиров батальона отметили правительственными наградами, а капитану Спирину было присвоено звание Героя Советского Союза.

В этой части днепровского берега, пока еще не затопленного водой, кое-где сохранились следы немецкой обороны. Сибирякам пришлось преодолеть здесь две сильно укрепленные линии. В летописи полков 303-й стрелковой дивизии есть краткие описания этих боев:

849-й стрелковый полк: «Преследуя отходящего противника, уничтожая его арьергарды, утром 25 сентября 1943 г. полк вышел на реку Днепр и у села Пенькова на подручных средствах и рыбацких лодках форсировал один рукав Днепра, заняв остров Мурсин. После тщательного однодневного наблюдения за противником и выявления его огневых точек, вслед за разведкой форсировали второй рукав Днепра 1-й батальон капитана Спирина и 3-й стрелковый батальон лейтенанта Горбунова.

Высадившись на скалистом правом берегу Днепра под обрывом каменоломни, батальоны стремительным броском к рассвету овладели северо-восточной частью села Червонное. Опомившись от неожиданного удара, противник пытался сбросить наши батальоны в Днепр, непрерывно их контратакуя при поддержке танков и авиации...

Завоеванный плацдарм удерживали до 6 октября, а затем сдали его 36-й гвардейской дивизии. 7 октября 849-й полк переправился на остров Пушкаревский и, форсировав его, начал наступление на Верхнеднепровск...».

845-й стрелковый полк: «25 сентября 1943 года. Недалеко Днепр.

И каждый боец с нетерпением рвался вперед. К моменту форсирования Днепра каждого солдата и офицера охватило чувство гордости победоносного наступления от Северного Донца до Днепра. Теперь все смотрели на могучую реку, дыхание которой ощущали еще на рвать эту водную преграду.

С наступлением темноты, погрузившись на лодки, с первой же ротой отправился и командир батальона Абраменко. Первым высадился на берег командир отделения автоматчиков Мажит Джунусов. Он со своим отделением атаковал штаб немцев, захватил штабную машину, оружие, а также радиостанцию... Все контратаки противника были отбиты, при этом подбито три танка, один из них подбил лично Мажит Джунусов. Захвачено 8 пулеметов, 4 радиостанции, 4 миномета. За проявленное мужество и отвагу командиру отделения Мажиту Джунусову присвоено звание Героя Советского Союза. Бой за деревню Пушкаревку — последний опорный пункт немцев перед Верхнеднепровском — продолжался 6 дней...».

Сибиряки жестоко дрались до последнего за каждый метр правобережья Днепра. Большие потери понес 849-й, до батальона сократился 845-й стрелковый полк. Еще более трагичной оказалась судьба 847-го стрелкового полка. После взятия Верхнеднепровска он был временно — с 8 ноября 1943 г. по 10 марта 1944 г. — расформирован «из-за отсутствия личного состава», как сказано в истории полка. Знамя полка было передано на хранение в отдел кадров дивизии.

Скупы, лаконичны записи в историческом формуляре дивизии о боях на Днепре. Лишь память ветеранов хранит многие эпизоды сражений.

Будто вновь оживают картины боев и перед мысленным взором Евстафия Абрамовича Зарюты. Метрах в пятидесяти от берега он указывает место, где отличился командир пулеметного взвода Кузьменко.

— Оттуда, — указывает Зарюта на корпуса жилых зданий рабочих нового комбината, — валом катились немцы, пытаясь сбросить отделения нашего полка в Днепр. На переднем крае занятого плацдарма за пулеметами лежали парторг одного из батальонов Шарабан и лейтенант Кузьменко...

Зарюта рассказывает, как был ранен Шарабан, как пробило кожух у пулемета Кузьменко, как кричали ему: «Стреляй!», а он не стрелял, потому что знал, — пулемета хватит лишь на одну очередь, и ждал, когда немцы подкатятся поближе, чтобы ударить наверняка... Вот немцы в ста метрах, в семидесяти, в пятидесяти... И как дал Кузьменко свою последнюю очередь, а вслед за этим поднялись из-под берега наши... И как тут же, на этом самом месте, командир дивизии награждал Кузьменко орденом Красной Звезды...

Пока рассказывал все это Зарюта, поселковые мальчишки, что бегали неподалеку, стали потихоньку придвигаться все ближе к человеку с такой белой-белой головой и, замерев, слушали завораживающие слова: атака... пулемет... стреляй... орден...

И мы смотрели на Зарюту, на его яростно-воодушевленное ли-

цо, и как он, вдруг махнув рукой, круто повернулся и пошел к Днепру, и долго стоял там, ссутулившись, глядя на чистый, выбеленный солнцем и днепровской волной песок. Он что-то видел там, чего не видели и не могли видеть мы.

После того, как в газете «Кузбасс» было рассказано о подвиге пулеметчика, в редакцию пришло письмо из поселка Яровое Алтайского края от Кузьменко Николая Якимовича.

— Не мой ли то отец, пропавший без вести? — спрашивал он.

Мало письма. Сын солдата сам приехал в Кемерово. Здесь мы установили, что отец его Яким Никифорович Кузьменко был призван Кемеровским райвоенкоматом из села Крековю Кемеровского района 28 июня 1941 года. На фронте был пулеметчиком, а в начале 1942 года командовал отделением. Воевать начал от Ельца. В 1943 году пропал без вести.

Сын привез фотографию отца, единственную сохранившуюся в семье. Фотография еще довоенная, и на ней Кузьменко в форме кавалериста, — служил до войны в дальневосточных частях.

Отец и сын точно два близнеца — до того похожи.

— Отцу здесь столько же лет, сколько мне сейчас, — двадцать семь, — говорит Николай, словно угадав мои мысли. — Я папу живым не помню...

И столько в этом слове «папа» было нежности и грусти...

Решаем, что фотографию надо непременно показать Зарюте.

— Нет, сынок, — сказал Евстафий Абрамович, возвращая фотографию Николаю, — тот Кузьменко — невысокого роста, коренастый, кряжистый. Волос русый, лицо рябоватое... Видать, на другом солдатском поле воевал твой батяка, сынок...

Где же оно, то поле, на котором воевал сержант Кузьменко Яким Никифорович, 1905 года рождения, уроженец Запорожской области, Гуляжевского района, деревни Успенка, — украинец, уходивший на войну из Кузбасса?

Нашелся в Кемерове человек, бывший с Якимом Кузьменко на формировании в городе Горьком — Василий Егорович Ягунов. Он и воинскую часть назвал: 104-я отдельная стрелковая бригада, 1057-й полк, 297-я дивизия. Год 1942-й. Но военные дороги развели его с земляком.

А потом пришли ответы на наши запросы из Главного Управления кадров Министерства Обороны СССР, из Подольского военного архива: «Сержант Кузьменко Яким Никифорович, призванный Кемеровским РВК, пропал без вести в апреле 1943 года».

В апреле сорок третьего... А тот бой на берегу Днепра, который вел младший лейтенант Кузьменко — пулеметчик 7-й роты 849-го стрелкового полка 303-й дивизии сибиряков, был 7 октября.

Значит, не на этом поле, сынок, не на этом...

На одной только Харьковщине — восемьдесят городов и селений, где захоронены советские воины, в том числе и сибиряки. Многие памятники безымянны, а люди могли сказать нам только одно: в деревне Буды лежит в братской могиле триста неизвестных солдат, в

Здесь захоронен лейтенант танковых войск А. Г. Григорьев.

Васищеве — триста девять, в Безлюдовке — пятьдесят, в Жихоре... Дергачах... Зеленом Гае...

В деревне Безлюдовка нам удалось установить имена некоторых из покоящихся здесь сибиряков. Это гвардии майор Попов Федор Афанасьевич, Стельников Николай Павлович, Севрюков Иван Федорович, Мельников Афанасий Васильевич, Колесников Николай, Кривонос Е. Т.

На развилке сельских дорог под Харьковом мы остановились у огромного замшелого камня, мимо которого никто здесь не пройдет — не проедет, не сняв шапки, не постояв минуту в молчании, не прочитав выбитых на камне слов:

«Прохожий, склони голову! Здесь покоится прах твоих освободителей».

Древней легендой о народных богатырях повеяло на нас от этого камня.

Склоним же головы. Разделим скорбь и благодарную память Украины.

VII

В составе войск 2-го Украинского фронта довелось дивизии сибиряков участвовать в ликвидации крупнейшей Яско-Кишиневской группировки врага, освобождать столицу Молдавии Кишинев, города

Унгены, Бельцы и десятки других городов и сел республики. За эти бои три полка дивизии получили почетные наименования «Ясский» и «Кишиневский», один полк награжден орденом Кутузова III степени.

Когда мы были в городе Бельцы, повидаться с сибиряками пришел полковник в отставке Александр Харитонович Дорохин. Он рассказал нам, как погиб наш земляк танкист Александр Ефимович Кодинцев, работавший до ухода на фронт директором школы в Ижморском районе Кемеровской области. Он сгорел в танке, отбиваясь от немцев до последнего патрона.

— Где-то в Кузбассе живет сын моего друга Юрий, — говорит полковник, — но разыскать мне его не удалось. На всякий случай, запишите мой адрес: Молдавская ССР, город Бельцы, ул. Карла Маркса, дом 32, квартира 42. Дорохин А. Х.

И мы записываем, в надежде, что отзовется сын танкиста.

Имена... Имена... В военкоматах Молдавии нам показали сотни запросов, идущих сюда из Сибири и Дальнего Востока, Казахстана и Латвии; со всех концов идут письма, оплаканные слезами матерей, вдов, детей. И люди включаются в поиск. А потом на памятниках братских могил появляются новые имена. Мы видели свежие венки и ленты с надписями, сделанными родными и близкими павших солдат: «Дорогому отцу и мужу, героически погибшему за Родину», «Сыночку моему от безутешной матери», «Брату и дяде»...

Много лет кемеровчанка Зинаида Марковна Бардига знала о своем сыне лишь одно: погиб в Молдавии. Но велика Молдавия, и немало труда потребовалось, чтобы помочь матери найти могилу сына. Районные и сельские Советы, военкоматы, пионеры-следопыты это сделали.

И вот утром 9 мая 1970 года, по молдавскому радио, услышали люди голос матери солдата из Сибири:

«Мои дорогие молдавские друзья! К вам обращается мать солдата, павшего в боях за вашу прекрасную землю в дни Великой Отечественной войны. Прах моего сына Володи Воронкова покоится в тысячах километров от моей сибирской стороны — в маленьком молдавском селе Киркаешти Тираспольского района. Двадцать лет искала я могилу своего сына и вот наконец нашла. Нашла с вашей помощью, милые люди. До конца своих дней я не забуду доброго участия и сочувствия моей невозвратимой утрате жителей села Киркаешти...

Я никогда не забуду того ясного сентябрьского утра, когда на встречу мне вышли и стар и млад. К братской могиле, где похоронен мой сын, я шла рядом с вдовами и матерями павших в боях молдавских воинов села Киркаешти. Кто-то взял меня под руку, кто-то протянул прекрасные цветы. И легче стало мне, матери, взбираться на тот пригорок, где стоит памятник солдатам. Словно идущие рядом со мной молдавские крестьянки переложили частицу моего горя на свои плечи, впитали его сердцем, разделили со мной тяжкую ношу. Рядом сражались наши сыновья за солнечную Молдавию. Рядом ле-

жат они теперь в вечном покое в центре села. И на мраморных плитах среди молдавских имен я вижу имя моего сына Володи. И, может быть, никогда за свою долгую жизнь я не чувствовала так всей душой, как в ту минуту, силу братства советских народов, силу нашего единения, нашей дружбы, ее нерушимости и святости. Наверное, нет на свете людей, жаждущих вечного мира более, чем мы — матери земли. И пусть те, кто сеет сейчас ветер войны, услышат наше грозное материнское «Нет!»...

VIII

Солдатское поле... Его величавый покой, увенчанный каменными обелисками. Его Вечный огонь. Его бессмертие. И плывущие над ним слова призыва, требовательные и скорбные, как бессонный колокол тревоги: «Люди, покуда сердца стучат, помните, какою ценою завоевано счастье,— пожалуйста, помните!»...

Кемерово—Воронеж—Харьков—Кишинев—Кемерово.
1965—1971.

Сибиряку на память

«СИБИРСКИЙ ГОРНОРАБОЧИЙ»

Если до революции 1905 года в революционном движении Сибири тон задавали рабочие-железнодорожники, то уже к февралю 1917 года ведущую роль в революционных событиях стали занимать рабочие горнодобывающей промышленности — шахтеры, металлурги, приискатели.

На шахтах и рудниках Сибири стали возникать большевистские группы, организации профсоюза горнорабочих. Наибольшую деятельность развернули большевики Анжеро-Судженского, Кольчугинского и Кемеровского угольных районов. Среди шахтеров здесь активную революционную работу вели Франц Суховерхов, М. И. Рабинович, И. Н. Кудрявцев и другие большевики.

Большую роль в повышении революционной сознательности пролетариев сыграл журнал «Сибирский горнорабочий», который начал издаваться в Томске по поста-

новлению первого съезда горнорабочих Западной Сибири (15—29 июня 1917 г.).

Первый номер журнала вышел 2 апреля 1918 года. В нем публиковались материалы, отражающие работу и быт горняков, давались экономические обзоры.

В период колчаковщины, когда профсоюзные организации горняков Сибири подверглись разгрому, журнал «Сибирский горнорабочий» был закрыт. Вновь он начал выходить уже в Омске, с начала 1920 года и продолжал издаваться до 1923 года, когда на смену ему пришел другой журнал «Горнорабочий» — орган ЦК профсоюза горнорабочих [Москва].

Журнал «Сибирский горнорабочий» сейчас библиографическая редкость. Несколько экземпляров его хранятся в сибирских архивах и крупных книгохранилищах.

А. МАЗУКОВ

А. АБРАМОВИЧ

МИР СОКРУШАЕТ, МИР СОЗДАЕТ

Первое впечатление, которое сразу возникает после прочтения восемнадцати рассказов Виктора Чугунова в двух его книгах¹ — самый неожиданный и чрезвычайно острый характер событий в столкновении и борьбе самых разнообразных персонажей. Один из них расправляется с двумя хулиганами при помощи такого «оружия», как авторучка. Другой просит удалиться «законного» мужа, чтобы объясниться в любви его жене. Следующий предстает перед нами как потенциальный убийца, но не несет никакого наказания. Девушка приезжает в Сибирь к своему жениху, выходит за него замуж, но очень скоро становится женой другого. Верный друг и жена человека, несущего службу в армии, вступили в «преступную» связь и чувствуют себя вполне счастливыми.

С такими неожиданными и внешне не очень логичными положениями и сюжетными ходами мы сталкиваемся очень часто. И все же мы грубо ошибемся, если придем к убеждению, что автор использует остросюжетные обстоятельства в качестве нарочитого, искусственного приема для повышения читательского интереса. Тут дело в чем-то другом, что требует особого разбора.

Сразу бросается в глаза и другая особенность произведений Виктора Чугунова — всегда трагический или предельно драматический характер событий и судеб его героев: пожар в тайге, гибель одних людей и спасение других; глубокое потрясение сына, узнавшего ужасную правду об отце; участие героя и героини во взрыве скалы; трагедия неразделенной любви и семейная драма человека, глубоко уважающего жену, но идущего к любовнице, и т. д.

Эти особенности творчества писателя объясняются той сокровенной идеей, которую, перефразируя выражение одного из его героев, можно определить так: «мир сокрушает, разбивает, мир создает заново». Если популярно объяснить такую идею, она означает: Виктора Чугунова в действительности и в литературе интересуют главным образом такие люди, которых обычно называют трудными,

¹ Виктор Чугунов. «Полметра до катастрофы». Рассказы. Кемеровское книжное издательство, 1967.

Виктор Чугунов. «Иван и Мария». Рассказы. Кемеровское книжное издательство, 1971.

герои, чья жизнь полна противоречий, заблуждений, грубых ошибок, но выводит их, правда, с большими издержками и муками, на верный путь.

Лучшим в первой книге писателя по зрелому выражению его идеи и темы и по художественной убедительности является рассказ, давший название всему сборнику,—«Полметра до катастрофы». И как раз он-то и полон всякого рода неожиданностями, до предела заостренными положениями.

В самом деле, молодой техник Владимир приехал работать на шахту. Механик Лебедев сразу внушил ему отвращение своей деловитостью и сухостью. Самоуверенный Владимир, убежденный в том, что он может показать высокий класс работы, оказывается беспомощным. Физическая расправа над Лебедевым, которого он совершенно неосновательно считает виновником всех своих бед, не удается ему: Лебедев оказывается более ловким, чем Владимир—без пяти минут боксер.

Дальше—больше. К Владимиру приезжает красавица Юнка, они поженились. Лебедев уступил им свою квартиру, устроил в долг пианино. Юнка очень быстро распознала никчемность своего мужа, увлеклась смелым, энергичным высококультурным Лебедевым. В этом рассказе как раз и дана ситуация, в которой мужа просят удалиться, чтобы Лебедев мог объясниться его жене в любви. Полный крах ожидает Владимира. Нет у него жены—«девчонки из сказки», за халатность в работе его перевели в такелажники. Кульминационный пункт произведения—такой взрыв ненависти у Владимира, что он пытается убить Лебедева.

Вот фабула рассказа, которая сама по себе еще ни о чем не говорит, если не разобраться в характерах героев, а разобраться в них нелегко, потому что и здесь и в других рассказах автором использованы во взаимодействии два сложных приема: психический анализ сокровенных чувств и мыслей персонажей с одной стороны, и подтекст, недоговоренность в расчете на соучастие читателей, с другой.

Подтекст использован при изображении характера Лебедева. Лебедев—владелец таких высоконравственных свойств, как коллективизм, бескорыстие, товарищество. Но все это присуще герою, как заранее данное. Почему он именно такой, почему представляет собой полный контраст Владимиру,—писатель не объясняет. У него иная задача. Это подтверждают положительные характеры и в других рассказах Виктора Чугунова: больной Виктор и бригадир Федор («Трудно быть обыкновенными»), Котов («Междуреченская новелла»), Рогов («Таежные будни»), Дементий Будила из одноименного произведения, Кружалин («Гетера»), Тарасов («В огне и у огня»).

Зато персонажи, которые пытаются сбросить с себя все отрицательное,—в центре внимания Виктора Чугунова. Поэтому, возвращаясь к рассказу «Полметра до катастрофы», как наиболее характерному для всей первой книги, можно со всей откровенностью признать, что история жизни Владимира, его противоречия, его колебания показаны нам совершенно убедительно.

Мы хорошо видим все наносное, иногда отвратительное в характере Владимира. Это и оценка жизни и людей преимущественно с точки зрения «дендизма», и презрение к провинциалам—сибирякам с высоты якобы «столичного» подхода, и даже мечта украсить своей особой Сибирь. Все это рассказано и показано писателем от лица самого персонажа (произведение строится как личная исповедь Владимира) хотя бы в таких строках: «Мне вспомнился техникум. Борька Сазонов—улыбочка! Он растил рыжую бороду, купил желтый свитер, форсил—мать

моя родная! Или Славка Роджерс—гигант, морской волк. А Фазалов? Это же ум! Библиотека!.. А здесь только тайга и небо. Баня сегодня мужская, завтра—женская...»

Кто же перед нами—стиляга «модерного» толка, не желающий ничего создавать и претендующий все потреблять? Такой тип ничего не прибавил бы к тому, что мы уже читали раньше. Но Владимир не таков, несмотря на то, что плохое, отвратительное в нем так и просится на первый план. Писатель создал сложный образ. Владимир как-то сам сказал о себе, что он не боксер, а человек. И это совершенно верно, хотя человеческое в нем пока что большей частью скрыто, борется с отрицательным и (в рамках рассказа) человеческое еще не побеждает.

Отнесемся к нему справедливо. Пусть Владимир лелеет честолюбивые планы, но в Сибирь — то поехали не его бравые сотоварищи по техникуму с гигантскими умами и непобедимыми улыбками. Он пытается изуродовать Лебедева, но резко сниженный по должности, он трудится чернорабочим. Пусть он ненавидит Лебедева еще и за то, что его полюбила и к нему же ушла Юнка, но он просит «соперника» забрать пианино—ведь Юнке необходимо заниматься музыкой. Есть что-то хорошее, чистое в его душе, что тонет под наигранным, выдуманым. Для характера показательно раздвоение, а жизнь вовлекает персонаж в борьбу и неумолимо заставляет видеть то, что ему не хочется. Так у него мелькает мысль о том, что Лебедев действительно добрый и отважный, что у него есть удивительный дар привлекать к себе людей. Даже зависть к нему нет-нет, да и появляется в душе Владимира, смутное понимание превосходства «противника» невольно вытесняет злобу и ненависть.

Владимир познает всю правду о себе в самый критический момент своей жизни—сразу после попытки убить Лебедева,—когда он толкает во время ремонта головку конвейера на Евгения Лебедева, находящегося под лавой. Только случайность спасла Лебедева: головка застряла, когда до катастрофы оставалось всего полметра.

Попытка к убийству в момент крутой ломки характера, уже как — то готового отказаться от плохого и идти к хорошему,—это нуждалось в точном психологическом обосновании. Виктор Чугунов отлично справился со своей задачей. Мы отчетливо представляем, как в сердце Владимира происходит последний взрыв ярости. Вот почему мы полностью принимаем верные, художественно оправданные строки: «Слезы заволокли мне глаза. Туго соображая, я постоял немного и пошел прочь. Сломленный, разбитый, я понял, что не могу никуда уйти. Для меня не существовало мира, кроме того, который разбивал меня, чтобы сделать заново».

Такое разрешение авторской идеи избавляет от необходимости подробно разбирать все удавшиеся писателю рассказы первой книги.

Сейчас важнее ответить на вопрос: что нового предложил нам писатель в следующей своей книге «Иван и Мария»?

Развивается ли дарование писателя, обогащаются ли его идеи и темы? Совершенствуется ли мастерство?

Новая книга Виктора Чугунова неопровержимо свидетельствует о том, что писателю было вполне ясно: тема сокрушения человека во имя его поворота ко всему светлому и положительному, плодотворная сама по себе, далеко не исчерпывает жизненных противоречий и конфликтов, что для литературы сейчас особенно важна иная тема, выдвигающая на первый план таких героев, как Евге-

ний Лебедев, которого сокрушать не требуется и очищать от негодного прошлого не нужно. Виктор Чугунов не повторяется, а идет в своем творчестве дальше, открывая перед нами мир еще более сложный, но одновременно и более позитивный.

С намерением или без него, только в книге «Иван и Мария» первым идет рассказ «Минька Родионов, сторонник Маркса», открывая рождение героя в бурях революционной борьбы в эпоху Октября. Молодой рабочий Михаил, натерпевшийся всяческих бед во времена царской власти и при Временном правительстве, прослышал, что есть такой человек, как Маркс, что он еще жив и продолжает свою борьбу на пользу народа. Приключения Миньки, ставшего вожаком шахтеров в своем поселке, овеяны высоким романтическим представлением героя о неизбежном крутом повороте жизни. Он смело проходит через все опасности. Это прообраз нашего современника, получившего закалку в революционных боях, уже тогда понявшего смысл существования народного общества—освобождение народа от подневольной работы, рождение труда-творчества.

Такая «запевка» ко многому обязывала писателя. И действительно, сохранив во всем главном свой творческий метод, опираясь на острые сюжеты, на «подтекст», на противопоставление, писатель использует этот метод в ином смысловом значении. Это нетрудно увидеть, сравнив рассказы первой и второй книги.

В сборнике «Полметра от катастрофы» героям ведущих рассказов еще предстоит большая очистительная работа по освобождению самих себя от всего, что мешает им стать настоящими людьми. А в книге «Иван и Мария» героическое выступает на первый план.

Вот, например, характеры и сюжетные положения в рассказах «Локобель» и «Калистратово бучило». Ситуации здесь почти одинаковы. В первом Трофимов весь настроен на одно только дело—доставить к месту назначения локобель. И эта единственная в нем (правда, очень важная) положительная черта. Во всем остальном он груб и невежествен, его конфликт с женой, полюбившей другого, обнажает в нем черты «грубого таежного мужика». Во втором рассказе Миша Закрепов тоже устремлен к одной цели—как свершить опаснейшее дело и дать дорогу сплавному лесу, застрявшему в засушливую весну. Но Трофимову люди покоряются только по необходимости, только потому, что его поставили начальником. Больше ничего не связывает их с ним. А Закрепов потому и подлинный герой, что он и дело делает, и людей объединяет вокруг этого дела, создает прочное человеческое содружество. Ведь местный старожил Деренков вначале лишь смутно сочувствует почти фантастической затее Миши, а присланный взрывник Чайкин и вовсе отказывается не только работать, но и давать взрывчатку Закрепову, но тот преодолевает сопротивление и ценой почти нечеловеческих усилий открывает дорогу сплаву.

Писатель дает убедительную мотивировку сложнейшему процессу товарищеского единения людей вокруг одного дела. Мы очень хорошо представляем себе, почему Деренков решительно поддержал смелую мысль Миши, зная его удивительный характер по прежним с ним встречам и событиям. Нам представляется совершенно естественным и крутой поворот в сознании Чайкина—любителя спокойной жизни и хорошей зарплаты при полном отсутствии риска. Его очаровывает воля и отвага Закрепова. Начав выполнять его приказы почти под страхом физической расправы, Чайкин постепенно понимает цену высокого героизма Миши, доставляющего взрывные шашки через гремящий порог к скалам, проника-

ется чувством глубокого уважения к нему. «А через неделю они все трое — и Закрепов, и Деренков, и Чайкин — стояли на берегу в низовье притихшего Калистратова бучила и смотрели, как важно мимо них проплыли первые десять пробных лесин. И казалось, друзей вернее и счастливее их не было на всем белом свете».

Рост героя, его более зрелый характер видны и при сопоставлении таких персонажей, как Витька из рассказа «Трудно быть обыкновенным» (первая книга) и Геннадий Дорофеев из рассказа «Синий ветер Алатау» (вторая книга). Витька с трудом «продирается» к «обыкновенному», т. е. ко всему хорошему и светлому. А вот Геннадий Дорофеев и Семен Лопатин, тоже далеко не ангелы, действительно оказываются «обыкновенными» в том своеобразном значении, которое придает этому слову писатель — способными на героические решения и поступки при самых обыденных обстоятельствах.

Казалось бы, перед нами два противоположных характера. Один (Геннадий) — таежный романтик, отправившийся бескорыстно любоваться суровыми сибирскими горами. Другой (Семен) — человек совершенно прозаический, озабоченный лишь мелкими житейскими интересами, мучительно таскающий на спине мешок собранных по дороге кедровых орехов и упрямо отказывающийся от помощи спутника, потому что опасается его участия в доле.

Вот то, что хорошо просматривается на поверхности. Однако внезапно проступает наружу столь обычное для приемов Виктора Чугунова «подводное» течение рассказа, обнажается его подлинный смысл. В минуту большой опасности этот, казалось бы, корыстолюбивый эгоистичный Семен Лопатин спасает жизнь Дорофееву, укушенному гадюкой, хотя тот и издевался над житейской практичностью сотоварища, дразнил его змеей и только сам был виноват в своем несчастье.

Можно было показать рост писательской зрелости, более емкое и доказательное решение им темы героя — нашего современника — на других примерах. Интересен с этой точки зрения, например, рассказ «Красный Галактион». Однако очевидно, более важно проследить движение и развитие новой авторской темы в произведениях, особо волнующих самого писателя. Имеется в виду нравственный, моральный облик его героев, их нормы поведения, раскрывающиеся наиболее наглядно в быту.

В первой книге, особенно в рассказах «Междуреченская новелла», «Локобель» и «Гетера», писателя больше интересовали герои, запутавшиеся в очень сложных личных отношениях, идущие или находящие правильную дорогу в больших муках и противоречиях. В новой книге, в таких рассказах, как «Мужчина», «Темный бор, тайга густая», «Иван и Мария», внимание Виктора Чугунова сосредоточено на более положительном решении проблемы морали. Теперь выступают герои, у которых принципы нравственности высоки и требовательны, а повседневное поведение согласуется с ними.

О грубой, невежественной натуре Трофимова из рассказа «Локобель» уже говорилось. Писатель даже в будущем не обещает, что его персонаж будет относиться к женщинам по-человечески. Полный контраст ему — рабочий Василий Егоров (рассказ «Мужчина»). Это человек с «чудинкой», стремящийся удивить окружающих тем, что он приезжает на работу в такси и посылает по большим праздникам приветственные телеграммы городским учреждениям. А за некоторыми странностями его характера открывается натура человека, который умеет не только трудиться самозабвенно, но и высоко ценить в женщине ее человеческое достоинство и нравственную чистоту.

В «Гетере» поиски счастья Кружалиным и Любкой связаны с оскорбительным отношением к прекрасному человеку—жене шофера. Он сам утверждает, что его влечение к Любке грязное и сама она грязная. А в рассказе «Темный бор, тайга густая» работник лесохозяйства Емельянов, встретивший в поезде журналистку Нину Васильевну и полюбивший ее, не хочет пользоваться счастьем, созданным на обмане и лжи, ищет честной, красивой любви. Предложение Нины Васильевны встречаться тайком («у нас же всегда так будет») порождает в нем отвращение ко лжи и несправедливости: «Это был простой и ясный отказ любить открыто и честно. Емельянов понимал, его ожидает мучительная страстишка сегодня, завтра, а может быть, год-другой, и ничего больше. По крайней мере, так ему казалось. И он недоумевал. Он сидел в ресторане, пил и говорил себе, что подлости не допустит»... И не допустил, уехал, хотя писатель, предлагая такое разрешение сюжета, избег, как всегда, «лобовых» решений. Его герой продолжает мучиться, потому что любовь не прошла, неразделенная, она порождает тоску. Но тем более наглядно решимость Емельянова быть до конца честным.

И тем более противостоит рассказам первой книги произведение «Иван и Мария», давшее название всему сборнику. Писатель умно и тактично поведал нам историю, совершенно противостоящую «Гетере». Вместо раскрытия непреодолимого «биологического» стремления Кружалина к Любке, он дает преодоление слепой «биологии», победу над ней истинно человеческих отношений.

Иван по роду своей работы часто и надолго покидает деревню, где он живет с женой Марией — сторожихой при школе. Она ожидает его с маленькой дочкой. И вот однажды Иван появился... Однако и здесь, смертельно усталый, он не может бросить своего дела, у него нет ни времени, ни сил, чтобы приласкать жену и дочку. И едва мелькнувшая в душе Марии обида исчезает, а вместо нее появляется глубокая жалость к человеку, до предела измотанному трудом. И высшее проявление любви Марии к Ивану—ее помощь в его работе, ее уход в санно-тракторную бригаду, которой руководит Иван.

Если к этим и другим произведениям Виктора Чугунова прибавить его «маленькую повесть» «Таежина», впервые напечатанную в журнале «Молодая гвардия» (июль, 1969 год), которая уже получила оценку в газете «Кузбасс», то возникает моральное право сделать следующий вывод: вторая книга писателя «Иван и Мария» раскрыла читателям более широкое полотно жизни, более подробно и доказательно вылепленные характеры героев. А у самого Виктора Чугунова резко определился новый смысловой поворот в творчестве. Изображая, как и раньше, жизнь очень сложную, полную противоречий, он яснее, определеннее, чем в первой книге, увидел не только таких героев, которые через беды и сокрушения пытаются стать или становятся заслуживающими такого названия, но и таких, которые уже были ими, а явления жизни, события, в которых они участвуют, еще более развивают и закаляют их зрелость.

Такой рост писательской зрелости вовсе не исключает противоречий, которые свойственны не только героям. Виктора Чугунова, но и ему самому. Правда, такие противоречия не разрастаются, но как они были в сборнике «Полметра до катастрофы», так и остались, хотя и в притушенном виде, в книге «Иван и Мария».

В большинстве рассказов авторская идея, пробиваясь сквозь сложное сюжетное построение, сквозь психологическое наслоение, оказывается вполне определенной: она отражена и в названии этой статьи.

Но в трех рассказах Виктор Чугунов попробовал использовать иной метод. Он не изобретен писателем, а лишь повторяет метод некоторых зарубежных писателей, сценаристов и кинорежиссеров, ориентирующихся на изображение «потока жизни» со всеми случайностями, характерными и нехарактерными, взятыми в большей мере вне типизации характеров и обстоятельств, в которых они выступают. Нечего и говорить, что такая ориентация, против которой восстает сам смысл искусства, не смогла принести пользы и нашему писателю, а, напротив, повредила ему. Влечение к «потоку жизни» приводит лишь к созданию во многом натуралистических зарисовок, интересных, поскольку писатель много и хорошо видит, но все же представляющих собой только наброски, заготовки к произведениям, а не произведения.

Таковыми «заготовками» в первой книге Виктора Чугунова можно считать «Тяжелые будни», «В огне и у огня», а во второй—«За черными розами». Они одинаковы по методу изображения, поэтому можно ограничиться обращением к первому из них.

Рассказ «Тяжелые будни»—типичная «заготовка». В нем писатель рисует трудные будничные эпизоды из жизни и деятельности начальника строительства Рогова. Даже только часть его рабочего дня «битком набита» событиями и делами.

Действительно, думает читатель, труден день начальника строительства, много людей приходится переживать, много дел переделывать. А достаточно ли такой оценки для произведения? Конечно, нет. Тут еще нет оснований для проявления читательского интереса и потому, что о таких трудных буднях мы и сами знаем, что взятые в эмпирическом плане, они не имеют ничего особо значимого по своей поучительности.

Вероятно, это понимал и сам писатель. Поэтому на фоне полного заботами дня он все же попытался с расчетом на «домысливание» расставить и столкнуть между собой некоторые характеры. Но такой прием оказался бездейственным в рамках небольшого произведения, да еще до предела перегруженного событиями. Тут уж рамки жанра продиктовали свои жестокие законы. Даже образ главного персонажа—Рогова—оказался эскизным. Нам остается поверить на слово, что Рогов хороший человек. Назывными фразами в рассказе утверждается, что начальник управления—упрямый тупица, требующий от Рогова незаконных действий, что Ракитин—мерзавец, подкапывающийся под своего начальника. Лишь одна Батожкова с ее образной, броской речью раскрывается как живая индивидуальность. Бесспорно, бывают в рассказах и эпизодические персонажи, но чтобы они все, за исключением одного, и то не главного, определялись назывными характеристиками,—так не бывает, это уже нарушение принципов и конкретного жанра, и искусства в целом.

И вот, когда обдумываешь, куда и как растет дарование Виктора Чугунова, ярко проявившееся в двух его книгах, приходишь к такому убеждению: нет, не такими рассказами, как «Тяжелые будни», он утверждает себя как художник, а такими, как «Полметра до катастрофы», «Междуреченская новелла», «Иван и Мария», «Каллистратово бучило», «Тяжелина» и другие. В них есть все то, что выявляет индивидуальность писателя: и его психологическую манеру, и его влечение к «подтексту», и стремление изображать противоречия и конфликты жизни во всем их размахе. Но в них нет влечения к натуралистическому изобра-

жению «потока жизни» с нарочито подчеркнутым бесстрашием и объективизмом. Может быть, Виктор Чугунов продолжает искать новые приемы изображения, и поэтому экспериментирует, пробует найти иные сюжетные и смысловые повороты в изображении действительности? Но и в этом случае обращение к «потоку жизни» не приведет к победе. Нет, верный путь движения вперед—совершенствование мастерства, еще более глубокое проникновение во внутренний мир героев нашего времени.

Сибиряку на память

ПЕРВОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК О КУЗБАССЕ

26 ноября 1926 года ЦК ВКП(б) заслушал и обсудил доклад секретаря Кузнецкого окружкома ВКП(б) т. Иванова и принял постановление: «О состоянии и работе Кузнецкой организации (Сибирь)».

В этом первом постановлении о Кузбассе Центральный Комитет партии отметил сплоченность руководящего ядра, усиление связей парткомов с ячейками, некоторый сдвиг работы в деревне.

Наряду с этим было указано и на серьезные недостатки в деятельности Кузнецкой окружной организации. Центральный Комитет обязал окружком и райкомы партии чаще проверять работу ячеек, практиковать их отчеты на бюро окружкома и райкомов, добиваться улучшения работы сельских и районных советов.

Через год, в декабре 1927 года, в еженедельных «Известиях» ЦК ВКП(б) под заголовком: «Реализация директив ЦК по докладам местных организаций», отмеча-

лось, что «работа Кузнецкой парторганизации за истекший период была направлена к реализации постановления ЦК и дала ряд реальных результатов». «Известия» отмечали далее, что в окружной парторганизации повысился удельный вес рабочей прослойки, достигнув 62,9 процента. Парторганизации стали больше вникать во все стороны хозяйственной деятельности. Улучшилась работа деревенских коммунистических ячеек — они стали конкретнее руководить сельхозкооперациями, чаще проводить бедняцкие собрания.

Первое постановление ЦК нашей партии, принятое специально по парторганизации Кузбасса, явилось заметной вехой в ее истории, сыграло большую роль в повышении ее организаторской роли в решении насущных вопросов индустриализации и коллективизации сельского хозяйства Кузбасса.

А. МАЗУКОВ

ПРОСЬБА

Рыбаку не везло. Выбирая из пруда донную удочку, он вытащил на берег ржавое ведро. Через некоторое время он выудил дырявую кастрюлю.

К нему подошла девушка и попросила:

— Поймите мне, пожалуйста, мясорубку.

НАХОДЧИВОСТЬ

Домой рыбак возвратился поздно и хмельной. Жена спросила:

— Опять наклевался?

— Ага, д-дорогая, клевало сегодня п-превосходно. Полрюкзака рыбы привез.— И он высыпал на стол свой улов:

— Вот г-гляди!

— Батюшки,—воскликнула жена.— Так ведь окуни-то морские?!

— П-правильно,—ведь я же рыбачил не на Ине, а на Беловском м-море.

ЖАР-ПТИЦА

В ресторан вошел посетитель. К нему подошла официантка и спросила:

— Что будем заказывать?

— Бутылку коньяка и жар-птицу.

— Вы что, герой из пушкинских сказок?

— Нет, я из госконтроля.

— Тогда минуточку!

„ЯЗЫК МОЙ БЫЛ ТВЕРД И НЕПОСЛУШЕН...“

Из рукописей, присланных в редакцию

«Хотелось крикнуть что-то восторженное, с огромным восклицательным знаком».

«В их языке то и дело проскальзывали неудобопечатаемые слова».

«Инженер Коньков провел рукой по лысеющей голове, приводя в порядок жиденькую прядь волос и отодвигая стопку бумаг».

«— Шуга! — выругался в едрит твою корень Анатолий Филаретович».

«Он лежал властно, тяжело вдавив тело в землю. Чувствовалось, что живой он был спокоен и рассудителен».

«Ему показалось, что череп брызнул осколками».

«Нет, тут все ясно, прямо указано: где, что, кто, кого, когда и как».

«Мозги, приученные мыслить в заданном запиской направлении, сразу свернуло набекрень».

«Сотни рук участвуют в процессе извлечения золота, и даже ног, включая конские».

«Лиза была глубоко погружена в кулинарию».

«В серых глазах не заметно проблеска мысли, они сонно-лениво следят за строками, заставляя за себя работать толстые губы».

«А еще у меня появилась задняя мысль...»

«Анатолий искал среди людей свое полезное ископаемое».

«Я являлся объектом разрядки ее психологического аккумулятора».

«Танцы до потери ног».

«Слова из председателя сыпались, как из рога изобилия, во рту сталкиваясь и обгоняя друг друга. А если на миг застревали, увесистое брюшко его, мягко колыхнувшись, вышибало пробку».

Собрала А. ГЛЕБОВА

Земля моя родная

Музыка Георгия Григоренко

Стихи Валентина Махалова

Нет ничего задумчивей и проще
Души лесов, души моих полей.
Шумят, шумят березовые рощи
По всей залитой солнышком земле*.

Здесь отчий дом, земля моя родная,
Здесь небо всех светлей и голубей.
Бежит, бежит тропинка полевая
Моей любви и радости моей.

Звенит над миром песня молодая,
И я вхожу под радугу-дугу, —
Дышу, дышу прозрачным светлым маем,
И надышаться вдоволь не могу.

Нет ничего, наверное, чудесней,
Чем жить в моем березовом краю.
Дарю, дарю тебе я эту песню
И эту землю росную мою!

* Две последние строчки каждого куплета повторяются.

mf

тр *оджи* *двое*

Нет ниче - го за-дум-чивей и про - ше ду-ши ле-

-сов, ду-ши мо - их по - лей Шу - мят - шу-

-мят бе-рё - зо-вы-е ро - щи

по всей зали-той солнышком зем-ле. *rit.*

8.....

Dolce

A-a... A-a... A-a...

Для повторения

По всей за-ли - той солнышком зем-

-ле.

окончание

The musical score is written for piano and voice. It begins with the word "окончание" (ending) in Russian. The piano part is in G major, with a key signature of one sharp (F#). The voice part is in the same key. The score is divided into two systems. The first system shows the piano accompaniment and the voice line. The piano part has a treble and bass staff. The voice part is on a single staff. The second system continues the piano accompaniment and the voice line. The piano part has a treble and bass staff. The voice part is on a single staff. The score ends with a double bar line and a repeat sign.

10

МО -

10

8

rit.

12

Цена 25 коп.

● КЕМЕРОВО ● 1972 ●

ОГНИ
КУЗЬЯССА